

А 89
Г. Л. АРШ

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «ФИЛИКИ ЭТЕРИЯ»

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

*Научно-
популярная
серия*

Г. Л. Арш

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «ФИЛИКИ ЭТЕРИЯ»

Из истории борьбы Греции
за свержение османского ига

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

В черновых бумагах А. С. Пушкина сохранились сделанные его рукой изображения этеристов. Что это за люди и чем они привлекли внимание великого поэта?

...1814 год. Мрачная ночь турецкого господства нависла над Грецией. Три греческих патриота, нашедших приют в Одессе, создали для освобождения своей родины «Дружеское общество» («Филики Этерия», известная в России как «Гетерия»). Всего за несколько лет из крохотной ячейки выросло тайное общество, насчитывавшее большое число членов.

О возникновении «Филики Этерии», о той трудной и опасной работе, которую этеристы вели и в Стамбуле, вблизи от султанского дворца, и в высоких горах Греции, и в городах России, об их связях с декабристами, о том, как эти бесстрашные революционеры во главе с русским генералом, греком по национальности, Александром Ипсиланти зажгли пожар освободительного восстания в Греции, впервые в советской литературе рассказывается в книге Г. Л. Арша.

Ответственный редактор

А. М. СТАНИСЛАВСКАЯ

От редактора

История новой Греции, имена и подвиги ее героев известны сравнительно мало. Между тем она гордится своими славными сынами, теми, кого в Греции наших дней зовут новыми Ахиллами, Леонидами, Аристидами. В историю борьбы народов за свободу они вписали много ярких страниц.

Предлагаемая читателю работа рассказывает о той тяжелой, неравной борьбе, которую греческий народ вел против османского владычества, о тех днях, когда, по словам А. С. Пушкина, «Феникс Греции» возродился из пепла. И борьба эта была не только делом одних лишь греков: освобождение Греции — одно из замечательных событий мировой истории. Образование «Филики Этерии» — важный этап этой борьбы.

Россию и Грецию издавна связывали узы дружбы, общность культуры и экономических интересов. Некоторые события, описанные в книге Г. Л. Арша, происходили на русской земле. Здесь и было создано общество «Филики Этерия». Здесь жили многие греческие революционеры, некоторые из них были близки с представителями прогрессивной России — декабристами, А. С. Пушкиным, горячо сочувствовавшими грекам. Об этих традиционных русско-греческих связях, о широком отклике передовых людей России на греческое восстание, о вкладе нашей страны в дело освобождения Греции напоминает читателю книга Г. Л. Арша.

История греческого восстания насыщена красочными драматическими эпизодами. Рассказ о нем несомненно заинтересует читателя. Безграничный героизм восставших, их готовность на любые жертвы во имя родины найдут у него живой отклик.

Автор строит свое изложение на широком историческом фоне, показывая социально-экономические предпосылки греческого национально-освободительного движения, первый его этап, связанный с деятельностью поэта-революционера Ригаса Велестинлиса, связи Греции и России, а также политику русского правительства в Греции в конце XVIII — начале XIX в. Основная часть работы посвящена организации, деятельности и участникам «Филики Этерии». Крупными штрихами рисуется история греческого восстания на последнем его этапе. Книга Г. Л. Арша — плод серьезных научных изысканий — интересна по своей теме и изложению для широкого читателя. Вместе с тем она будет полезна специалисту по зарубежной истории, историку международных отношений и внешней политики России, а также и литературоведу как первая советская работа о «Филики Этерии».

А. М. Станиславская

Греция под владычеством османов

*Ничто еще не было столь народно,
как дело греков.*

А. С. Пушкин

Двадцать девятого мая 1453 г., когда под напором янычар султана Мехмеда Завоевателя пал «Второй Рим» — Константинополь, многие историки считают первым днем турецкого господства в Греции. В действительности, дата падения Константинополя и дата порабощения Греции турками-османами не совпадают.

Еще в 1430 г. Турция овладела Салониками, крупнейшим тогда городом Греции. Через 18 лет она подчинила Эпирский деспотат, одно из небольших государств, на которые в то время была разделена Греция. После падения Константинополя, в 1460 г., войска Мехмеда II оккупировали Афинское герцогство и Морейский деспотат. Таким образом, в руках новых завоевателей оказалась значительная часть континентальной Греции.

Однако многие острова и часть греческого побережья находились под властью других завоевателей — венецианцев. Борьба за венецианские владения в Греции была долгой и упорной. Лишь к началу XVIII в. туркам удалось одолеть своих соперников. Венецианцы смогли удержаться только на Ионических островах и в трех прибрежных городах Западной Греции.

Пепелища, разоренные и опустошенные города отмечали путь пришедших из Малой Азии полчищ завоевателей. Захватив Салоники, султан Мурад II приказал раз-

грабить город. Тысячи его жителей были убиты, многие уведены в рабство. Такая же участь постигла и многие другие города. Целые прибрежные районы и острова совсем обезлюдели. Жители равнин, спасая свою жизнь, перебрались в труднодоступные горы.

Завоеватели присвоили лучшие, наиболее плодородные земли. Их поделили между собой султан, его родственники и приближенные, сипахии¹, мусульманская церковь. Греческие крестьяне и ремесленники были обложены тяжелыми налогами. Приходилось платить и деньгами и натурой. Все, чем была богата греческая земля: лен, хлопок, зерно, фрукты, мед, овцы — отбиралось в пользу султана, причем сборщики налогов не забывали и себя. Появление любого турецкого чиновника в городе и деревне неизбежно было связано с поборами и вымогательствами.

Самым тяжелым из всех налогов считался налог «кровью». В дома крестьян врываются турецкие солдаты и насильно забирали мальчиков в возрасте от 6 лет. Их помещали в специальные казармы и после жестокой муштры, продолжавшейся иногда 14 лет, отдавали в рабы султану и его приближенным или в янычары. Этот варварский, средневековый «налог» существовал в Греции еще в начале XVIII в.

Полное бесправие, гражданская неполноправность характеризовали положение греков во времена турецкого господства. Даже в официальных документах греки и другие христиане назывались Портой райей, т. е. стадом, пасомыми.

Греческий народ немало терпел не только от завоевателей — мусульман, но и от своих «единоверцев» — имущих греков, верой и правдой служивших султану. Многочисленный привилегированный слой греческого общества составляли кодзабасы. Это были, главным образом, землевладельцы, среди которых встречались и весьма богатые люди. Одному из них, Панайотису Бенаки, в середине XVIII в. принадлежали земли и целые деревни в четырех округах Пелопоннеса: Каламе, Корони, Андруссе и Триполисе. Этот греческий сеньор содержал стражу из 100 вооружен-

¹ Сипахии — военные ленники. За предоставленное им право собирать налоги с населения своего лена они обязаны были нести военную службу.

ных албанцев, постоянно живших у него в доме. Турки передоверили кодзабасам все местное управление (само слово кодзабас происходит от турецкого слова коджабаши — староста). Городская и сельская беднота, тяжело страдавшая от произвола и притеснений кодзабасов, окрестила их «христианскими турками».

Богатые и влиятельные греки жили в Стамбуле, в квартале Фанар (отсюда их название — фанариоты). Фанариоты кичились своим происхождением от византийской аристократии. Некоторые из них носили громкие титулы, имели свои гербы. В действительности, значительная часть фанариотских семей происходила не от знати Византии, а от банкиров и купцов, поселившихся в Константинополе после турецкого завоевания.

Во второй половине XVII в. фанариоты проникли в правительственный аппарат Османской империи. Перешедшие в их руки должности великого драгомана (т. е. переводчика) Порты и драгомана флота, на первый взгляд, не имели большого значения. Однако это только казалось. На деле фанариот — великий драгоман Порты фактически осуществлял все сношения с иностранными государствами, поскольку турок — реис-эфендий (руководитель дипломатического ведомства) — иностранных языков не знал. Другой фанариот — драгоман флота играл видную роль в управлении островов Эгейского моря, составлявших особую провинцию, правителем которой был капудан-паша (главнокомандующий турецким флотом). С начала XVIII в. должности господарей Молдавии и Валахии тоже стали монополией нескольких фанариотских семей.

Влияние фанариотов еще более возросло во второй половине XVIII в. В то время в государственном аппарате Османской империи царствовал хаос, в ее дела открыто вмешивались иностранные державы. Греки Фанара, тесно связанные с иностранными послами, зачастую держали в своих руках нити интриги, приводившей к смене провинциальных пашей и даже великих везиров, направляли военные операции и мирные переговоры. Видя упадок Османской империи, фанариоты втайне мечтали стать ее наследниками и возродить Византийскую империю.

Тесно было связано с турецкой верхушкой и греческое высшее духовенство. Патриарх являлся одновременно главой греческой церкви и турецким сановником. Получение этой должности зависело от султана и великого везира.

Поскольку в Османской империи все должности продавались и покупались, решающее значение при получении должности патриарха имела не богословская образованность претендента, а его богатство.

Турки нашли в Константинопольской греческой патриархии удобный инструмент господства над христианским населением Балканского полуострова. Константинопольский патриарх считался главой греческой религиозной общины, в которую Турция, наряду с греками, включила болгар, сербов, валахов, молдаван и других православных христиан Балканского полуострова. Патриарх и греческие епископы получили над ними не только духовную, но и светскую власть. При этом сами они были освобождены от всех налогов, однако имели право собирать с верующих налоги в свою пользу. Для проведения этой операции турецкие паши нередко предоставляли в распоряжение православных епископов своих солдат. Турция позаботилась и о греческих монастырях, сохранив за ними их огромные земельные наделы.

Греческая церковь не оставалась в долгу. Епископы и митрополиты призывали народ к терпению и безропотному повиновению «властям предержащим» — т. е. туркам. Конечно, не все греческое духовенство было настроено туркофильски. Положение низшего духовенства, страдавшего от произвола и бесправия, мало чем отличалось от положения крестьян. Деревенские священники часто принимали участие в восстаниях против турецкого ига.

Греки при турецком господстве, по выражению одного греческого патриота, считали себя военнопленными, но не рабами. Народ всегда верил в свое освобождение и боролся за него.

В горах Греции (Олимп, Парнас и др.), в мрачные века турецкого рабства селились люди, не признававшие турецкой неволи, — клефты.

«Клефт» в переводе с греческого означает «вор». Так называли этих партизан турки и их приспешники. Однако для истерзанного и забитого греческого крестьянина клефт являлся единственным защитником против притеснений и насилий паши, бея, коззабаса. Жизнь клефта не была легкой. Недаром обычным приветствием клефтов было: «Доброй пули».

Целый цикл греческих народных песен посвящен клефтам. В одной из них рассказывается о том, как крестьянский сын уходил в клефты:

Слушай, мама, не могу я
Работать на турка.
Возьму свою винтовку,
Свою тонкую саблю
И уйду в ближайшие горы².

В клефты уходили люди, которые свободную жизнь и даже смерть в бою предпочитали жизни в рабстве.

Трудная и опасная жизнь в борьбе с врагами и дикой природой делали из клефтов бойцов, по силе и ловкости напоминавших античных героев. О Захариасе и Никитаре, предводителях клефтов, рассказывали, что они могли бегать со скоростью лошадей, скачущих галопом. Другой известный клефт, Одиссеас Андруцкос, был так силен, что мог держать одновременно двух больших козлов (по одному в каждой руке), пока его товарищи снимали с них шкуры.

В летописях вековой истории клефтов нередко встречаются одни и те же фамилии. Например, семья Колокотронисов, из которой вышел знаменитый полководец времен греческой войны за независимость Теодорос Колокотронис, упоминается еще в XVI в. Сам Теодорос получил боевое крещение в возрасте десяти лет в битве с турками. В этой битве погиб его отец — командир отряда клефтов Констандис Колокотронис. Трагическая смерть отца укрепила его решимость идти по тому же пути. Через несколько лет мы видим юношу во главе отряда из 150 палликаров³, 30 из которых принадлежали к семье Колокотронисов.

Много раз пытались турецкие паши очистить горы Греции от их „беспокойного“ населения. Однако на место погибших бойцов вставляли новые. Тогда Порта решила внести раскол в среду клефтов. При султани Сулеймане I Законодателе (1520—1566) Порта поручила некоторым

² М. Л у д е м и с. Родина в плену. М., 1961, стр. 9.

³ Палликар, буквально — молодец, парень. Так называли во времена турецкого господства в Греции бойцов вооруженных отрядов.

отрядам клефтов охранять порядок в тех районах, где они действовали. Те из клефтов, которые пошли на соглашение с турецким правительством, стали называться арматолами⁴.

Хотя туркам иногда и удавалось использовать арматолов против клефтов, особенно полагаться на них турецкие паши не могли. Часто капитаны (командиры) арматолов, поссорившись с турецкими властями, снова становились клефтами.

Помимо отрядов клефтов, действовавших не только на суше, но и на море и контролировавших отдельные районы страны, в Греции имелись целые области, сохранявшие, подобно Черногории, в годы турецкого господства фактическую независимость. Таких областей было три: Мани, Сули и Сфакия. Здесь не жил ни один турок. Султану же приходилось довольствоваться получением от местных жителей дани, которую они платили раз в год, да и то весьма нерегулярно. Все, кто имел основание опасаться мстительности турецких властей, находили здесь радужный прием и безопасное убежище.

Области эти служили оплотом антитурецких восстаний, часто потрясавших Грецию. Толчком к ним, как правило, служили войны христианских держав против Османской империи. Кто бы ни вел эти войны: испанцы, венецианцы, австрийцы, где бы ни разворачивались сражения: на водных просторах Средиземного моря или на дунайской равнине, эхо их докатывалось до гор Греции. Эти стихийно вспыхивавшие восстания были, как правило, слабо подготовлены и носили разрозненный характер. Они жестоко подавлялись турецкими властями. Отряды карателей растекались по стране, сжигая и разрушая города, села, убивая жителей и угоняя их в рабство.

Проходили годы, заживали раны, вырастали новые поколения. В Грецию снова приходила весть о том, что император или венецианский дож воюют против Турции, и грек, подобно своему отцу и деду, брал в руки ружье и шел сражаться против угнетателей за свободу.

В тяжелые времена турецкого господства в Греции распространялось «пророчество» о «белокуром народе», живу-

⁴ Армато (итал.) означает вооруженный.

К л е ф т

щем на Востоке, который прогонит завоевателей и избавит греков от иноземного рабства. В этом «пророчестве» отразились особые надежды греков на помощь русского народа, с которым их связывала общность религии и исторические традиции, уходившие в византийскую эпоху.

Об этом же свидетельствуют и исторические документы, относящиеся еще к XVI в. Например, в 1576 г. венецианский посланник при Порте Яков Соронцо писал в своем донесении сенату, что «все народы Болгарии, Сербии, Босны, Морей и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтоб

освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти»⁵.

Надежды на помощь России крепили по мере того, как росло и набирало силы русское государство, расширялись русско-греческие политические, экономические и культурные связи.

В течение многовекового турецкого господства не прекращалась греческая эмиграция в Россию. Почти с каждым из русских посольств, ездивших ко двору султана, в Москву приезжали греки, которые на допросе в Посольском приказе заявляли, что, «прослыша про милость Московского великого князя к иноземцам», решили переселиться на постоянное жительство в его государство. Греческая речь зазвучала на улицах многих русских городов. В числе приезжих были люди разных профессий. Например, в 1711 г. среди живших в Москве ремесленников-греков имелись скорняки, портные, золотых дел мастера и даже специалист по приготовлению просяной браги⁶. Петр I набирал из греков и матросов для русского флота.

Значительная греческая колония сформировалась во второй половине XVII в. в украинском городе Нежине. Местные купцы-греки объединились в особую корпорацию «Нежинское греческое купеческое братство», имевшее свою церковь и свой суд. В сундуках братства бережно хранились грамоты, подписанные Богданом Хмельницким, Петром I, Екатериной II. По этим грамотам подтверждались и расширялись привилегии членов братства или, как тогда говорили, «братчиков»: они освобождались от солдатских постоев и поставки подвод, свободно получали паспорта для выезда за границу, имели все права купцов 1-й и 2-й гильдии. Деятельные сыны Эпира, Мореи, Македонии вдохнули новую жизнь в тихий украинский городок, сделали его самым оживленным торговым пунктом Малороссии.

Граф П. А. Румянцев, президент малороссийской коллегии, в 1774 г. писал в Сенат, что греки, «дозная крайняя притеснения для себя под игом управления турецко-

⁵ И. С. Д о с т я н. Борьба сербского народа против турецкого ига. М., 1956, стр. 71.

⁶ М. М. П л о х и н с к и й. Иноземцы в старой Малороссии. — «Труды двенадцатого археологического съезда». М., 1905, т. II, стр. 177.

го», находили всегда убежище в России, «оние же греки торгами происходимыми им не только городу Нежину служат ко украшению и пользе, но и в зборе пошлин государственных не малое приносят приращение и составляют знатную ветвь тамошней комерции»⁷.

Доходившие до греков вести о благосостоянии и спокойствии, которые нашли их земляки в России, усиливали их уверенность в том, что именно от России придет избавление для греческого народа, влачившего тяжелые цепи турецкого рабства.

В конце XVII в. Россия начала борьбу с Турцией за выход к Черному морю. Во время войны 1711 г. воззвания Петра I к грекам дошли до клефтов. В 1770 г., во время новой русско-турецкой войны, русские корабли эскадры А. Г. Орлова появились уже у берегов Греции. Это дало сигнал к всеобщему восстанию в Пелопоннесе. К высадившимся на берег русским морякам присоединились и греки-добровольцы, сформировавшие «восточный» и «западный» «спартанские легионы». Султану и на сей раз удалось подавить восстание. Пелопоннес был залит кровью. Однако жертвы, принесенные греками и русскими, не пропали даром. Блестящие победы, одержанные русской армией и флотом в этой войне, наглядно показали, что военное могущество Османской империи безвозвратно отошло в прошлое, что весь ее огромный организм охвачен процессом разложения. Позднее выдающийся греческий просветитель А. Кораис указывал, что русские в войне 1768—1774 гг. доказали «всей прочей Европе, что огромность сего государства, которую почитали дородством сильной и благоустроенной державы, была не что иное, как некий род водяной болезни, рано или поздно долженствовавшей довести Оттоманскую империю до ее гибели». Все это не могло не произвести огромного впечатления на греков. «Они уверены теперь⁸, — продолжал Кораис, — что притеснители их, подобно другим, могут быть побеждены, что они сами побеждали их между рядами русских, и что нет почти для них никакой невозможности и одним побеждать их под руководством искусных военачальников»⁹.

⁷ Там же, стр. 195.

⁸ Это писалось в 1803 г.

⁹ А. К о р а й. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815, стр. 23—25.

Еще в XVII в. в Греции наметились признаки экономического оживления. Именно тогда здесь начали расти города, развиваться торговля и ремесла. Крестьяне стали выращивать новые сельскохозяйственные культуры, например кукурузу.

Менялись и формы феодальной эксплуатации. Вместо ленных владений — тимаров и зеаметов — повсеместно возникли частнофеодальные поместья — чифтлики. Отныне, помимо десятины (десятой части всей продукции), которая, как и раньше, шла султану или сипахию, чифтликские крестьяне должны были из оставшейся продукции отдавать еще от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ владельцу чифтлика. Новые феодальные господа обращали продукты безвозмездного крестьянского труда в деньги. Возможности для подобной операции с каждым годом все увеличивались: развивавшиеся западноевропейские страны нуждались в промышленном сырье и продовольствии. В результате большой толчок получила внешняя торговля Греции. Все более связывается с рынком и сельское хозяйство. Так, во второй половине XVIII в. Македония и Фессалия, по некоторым данным, экспортировали 40% производимого зерна и свыше половины табака и хлопка. Греческий хлопок и шерсть потребляли мануфактуры Пруссии, Саксонии, Австрии, Швейцарии.

Заклученный после русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) Кючук-Кайнарджийский мир открыл новую эру в экономической жизни Греции. Стала искать новые пути торговля. Особенно поразительным оказался рост морской торговли и судоходства. Если в начале XVIII в. небольшие островки Идра и Спецце у восточного побережья Пелопоннеса почти не имели населения, то к концу века островитяне уже играли важнейшую роль в судоходстве Средиземноморья.

Кючук-Кайнарджийский мир подтвердил самоуправление Эгейских островов. Кроме того, он открыл черноморские проливы для русской торговли, что дало возможность греческим судам пользоваться покровительством русского флага. Крупнейшие судовладельцы Кундуриотисы, Орландосы, Вудурисы начали строить много новых кораблей. Для защиты от свирепствовавших тогда на Средиземном море алжирских пиратов на борту каждого корабля находилось от 8 до 30 пушек. Отважные и закаленные греческие моряки приобретали навыки отличных мореходов. Если раньше они плавали между островами или, в лучшем случае, —

до Египта, то теперь греки не только объехали все Средиземноморье, но и увидели свинцовое небо Балтики и пустынные тогда берега Америки. Некоторые моряки с Эгейских островов на иностранных кораблях совершили и кругосветные плавания.

В конце XVIII — начале XIX в. судовладельцы Идры и Спецце умело использовали для обогащения благоприятную конъюнктуру, созданную войнами Французской революции и походами Наполеона. Ускользая от английских крейсеров, легкие греческие суда возили тогда хлеб из портов Леванта в порты Западного Средиземноморья.

Султанское правительство, вначале относившееся безразлично или даже благожелательно к росту греческого судоходства, поскольку жители Эгейских островов поставляли матросов для турецкого флота, вскоре с беспокойством обнаружило, что греческая рая имеет свой флот из нескольких сот вооруженных кораблей.

В XVIII в. в Греции появились и мануфактуры: шелкоткацкие на острове Хиос, прядильные в Амбелаке (Фессалия). Однако их развитию сильно мешали грабежи и насилие — имущество купцов и владельцев мануфактур являлось лакомой приманкой для орд грабителей всякого сорта и масти, начиная от настоящих разбойников с большой дороги и кончая «хранителями порядка» — турецкими пашами. Кроме того, греческие мануфактуры не в состоянии были конкурировать с промышленными изделиями западноевропейских стран, имевшими свободный доступ на рынки Османской империи. Не удивительно, что в начале XIX в. дешевая английская пряжа, вырабатывавшаяся машинами, разорила прядильни Амбелаки.

Западноевропейские промышленники любыми способами пытались задуть зарождавшуюся греческую мануфактуру. В 1760 г., например, произошел такой эпизод. Греческий купец Сарандо Папандопуло попытался основать мыловарни в Корони и Наварине. Однако в дело поспешили вмешаться французские консулы в Греции и помешали созданию этих мануфактур, способных конкурировать с мыловаренной промышленностью Марселя и Прованса. Такое положение вынудило многих греков заниматься торговлей и предпринимательством не у себя на родине, а в других странах.

В XVIII в. значительно возросли численность и благосостояние населения греческих колоний, существовавших

уже со времен средневековья во многих странах Европы. Тысячи греков жили тогда в городах Италии: Венеции, Анконе, Ливорно, Барлетте, Неаполе и др. В значительной мере, благодаря греческим переселенцам, Триест во второй половине XVIII в. превратился в один из самых крупных торговых портов Средиземного моря. Важным центром предпринимательской деятельности греков стала Вена. В общей сложности в Австрийской империи в начале XIX в. жило до 90 тыс. греков¹⁰. Греческие торговые конторы возникли в Амстердаме и Марселе. Много греков перебралось в Молдавию и Валахию, так как правившие там господари-фанариоты покровительствовали своим соотечественникам.

Во второй половине XVIII в. новые значительные греческие колонии возникли и в России.

Осевшие за границей греческие эмигранты не теряли связи с родиной. В конторах греческих купцов Вены, Москвы, Амстердама обучались их родственники из Греции. Возвращаясь домой, они открывали в Янине, Сиатисте, Патрах, Ларисе и других греческих городах отделения заграничных фирм. Разбогатевшие за границей греческие купцы часто давали деньги на основание школ в Греции.

Купцы и предприниматели греческих заграничных центров являлись авангардом греческой буржуазии, ее наиболее зрелой, в политическом отношении, частью. Сыновья многих зажиточных купцов получили образование в европейских университетах и академиях, познакомились с передовыми идеями века. Как и все греки, заброшенные судьбой на чужбину, выходцы из греческой заграничной буржуазии мечтали вернуться на землю своих предков, увидеть ее свободной. Желание греческих купцов, живших за границей, иметь свой национальный очаг усиливалось еще и потому, что они чувствовали возрастающую конкуренцию со стороны местной буржуазии.

С конца XVIII в. греческие заграничные колонии начинают играть активную роль в борьбе за освобождение Греции. В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. греческие купцы Триеста даже снарядили добровольческую флотилию. Под командованием греческого патриота, полковника русской службы Ламброса Кацониса она на-

¹⁰ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия д. 13 337, л. 251.

несла немалый ущерб турецкому судоходству на Средиземном море.

Великая Французская буржуазная революция всколыхнула греческие колонии за границей. В греческих домах Бухареста, Вены, Венеции заговорили тогда о санкюлотах, «Марсельезе», Декларации прав человека и гражданина. Как применить идеи революции, развернувшейся в передовой, просвещенной стране, к отсталым балканским условиям, как выковать из них оружие для борьбы с иноземным рабством? — Ответ на эти вопросы искали многие. Их нашел Ригас Велестинлис — замечательный греческий революционер, мыслитель, поэт.

Ригас Велестинлис сеет бурю

Житница Греции, плодородная Фессалия, во второй половине XVIII в. делилась на чифтлики (поместья) турецких беев. Замученный, истерзанный греческий крестьянин с утра до ночи гнул спину, работая на беев. Но высоко над фессалийской равниной возвышается гора Олимп. Там были клефты. В их руках неугасимо горел факел свободы.

В небольшом городке Велестино около 1757 г. в семье зажиточного купца родился мальчик, которому дали распространное тогда имя Ригас. Он учился в местной начальной школе, а затем продолжил образование в училище Загоры. Гордый, свободолюбивый характер уже в юношеские годы привел Ригаса к конфликту с турецкими властями. Местное предание так рассказывает об этом.

Как-то в окрестностях Велестино, Ригас встретился с турком, который славился своим богатством и жестокостью. Тот приказал юноше перенести его на другой берег реки. Приказание сопровождалось ударами кнута. Ригас повиновался, но в середине реки, после упорной борьбы, сбросил турка в воду, где тот и погиб. Затем юноша пришел домой к своим родителям и простился с ними, дав клятву не возвращаться домой до тех пор, пока тираны не будут изгнаны из Греции. Некоторое время он скрывался в горах у клефтов, а затем тайком отправился в Стамбул.

Нельзя поручиться за точность этого рассказа, но есть основания утверждать, что у Ригаса в молодости действительно произошло какое-то столкновение с турецкими властями: впоследствии он всегда говорил о беях Фессалии с отвращением и непримиримой ненавистью.

Оказавшись в Стамбуле (после 1774 г.), Ригас Велестинлис поступил на службу к фанариоту Александру Ипсиланти, весьма влиятельному в Османской империи лицу. Здесь, в одном из тогдашних узловых пунктов мировой политики и дипломатии, он практически прошел школу политических наук.

Около 1786 г. Ригас находился уже в Бухаресте. Он продолжал служить секретарем и поверенным местных вельмож, занимаясь одновременно литературной и переводческой деятельностью. Дунайские княжества были в ту пору важным очагом торговой деятельности греков и крупным центром греческой культуры. Ригас Велестинлис приобрел обширные познания в области древней истории и литературы, изучил французский, немецкий, румынский и итальянский языки.

Начавшаяся в 1789 г. во Франции революция произвела огромное впечатление на Ригаса Велестинлиса, способствовала формированию его убеждений. Надеясь получить от революционной Франции помощь в освобождении Греции от султанского деспотизма, Ригас Велестинлис вступил в контакт с ее агентами, появившимися в Валахии еще в 1792 г. В 1795—1796 гг. он служил переводчиком французского консульства в Бухаресте.

В 1796 г. Ригас Велестинлис покинул Бухарест и переехал в Вену, ставшую центром его революционной деятельности. Здесь он непосредственно приступил к подготовке освободительного восстания в Греции, создав тайное общество («Этерия» Ригаса Велестинлиса). Ригас вел обширную переписку, связанную с революционными делами. У него были корреспонденты во многих городах Австрии и Османской империи, в особенности в Греции.

По мысли Ригаса, первым поднять восстание в Греции должны были воинственные и свободолюбивые маниоты. Начавшееся на юге Пелопоннеса восстание должно было не только охватить Грецию, но и распространиться на все Балканы.

В революционных планах Ригаса Велестинлиса определенное место отводилось помощи со стороны республиканской Франции. Правда, в 1796—1797 гг. это уже не была Франция Марата и Робеспьера. Крупная буржуазия, захватившая власть в результате термидорианского переворота 1794 г., начала поход против революционных завоеваний французского народа. Однако она продолжала сохра-

нять свободолюбивые лозунги французской революции в своем внешнеполитическом арсенале, используя их при проведении завоевательной политики.

Победы Бонапарта в Италии в 1796—1797 гг. привели французские армии в непосредственное соприкосновение с греками. В мае 1797 г. французские войска оккупировали Венецию, а через два месяца над крепостью Корфу вместо венецианского флага с изображением льва Св. Марка взвился трехцветный французский флаг.

Оказавшись на греческой земле, французские генералы стали публиковать воззвания к греческому населению, напоминая им о былой славе их предков, об Афинах и Спарте. В различных районах Греции появились эмиссары Директории, внушавшие грекам, что Франция освободит их страну от ига султана. Все это порождало у греческих патриотов, в том числе и у Ригаса Велестинлиса, иллюзии, что французские генералы и, прежде всего, восходящая звезда — Наполеон Бонапарт, искренне сочувствуют греческому народу и стремятся помочь его освобождению. В действительности же генералов интересовали только дальнейшие завоевания, на этот раз за счет Турции.

В последние месяцы 1797 г. Ригас Велестинлис приступил к осуществлению своих планов. В конце ноября этого года в Вене подпольно была отпечатана его революционная брошюра, содержащая проект конституции для народов Османской империи, сбросивших иго султанского деспотизма, и пламенный «Военный гимн».

В «Новом политическом правлении для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии» (так называлась конституция Ригаса Велестинлиса) можно почувствовать огромное влияние свободолюбивых идей Французской революции 1789—1794 гг. Ригас был знаком с различными конституциями Французской республики. Однако при составлении своей конституции он использовал, главным образом, самую революционную из них — якобинскую конституцию 1793 г. Многие ее статьи он включил в «Новое политическое правление» в дословном переводе на новогреческий язык.

Конституция Ригаса Велестинлиса — документ большой революционной силы. В нем он гневно обличал произвол, жестокость и пороки султана и его придворных и пашей. «Оный тиран, называющийся султаном, совсем пал к мерзким сладострастиям, окружен будучи евнухами, кровопий-

Ригас Велестинлис

цами, невежами придворными его, позабыл и пренебрег человечество, утвердил сердце свое яростию невинности... Всякой смиренный, всякой невинный, всякой честнейший гражданин ежеминутно подвержен опасности быть жертвою жизни мучительного его мечтания или диких местонадзирателей и недостойных правителей оного тирана»¹. Ригас Велестинлис призывал народы Османской империи

¹ Отрывки из «Нового политического правления» даются по тексту современного ему полного перевода на русский язык революционной брошюры Ригаса Велестинлиса, обнаруженного нами в Архиве внешней политики России. См. Г. Л. Арш. К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы. Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса. — «Французский ежегодник», 1963. М., 1964.

сбросить тяжелое иго деспотизма и основать новое демократическое государство, в которое вошли бы все народы независимо от их национальной принадлежности и религиозных верований. В число граждан этого государства Ригас включил и турок, на равных правах с греками, болгарами, армянами, валахами. Законом для входивших в него народов должны были стать взаимопомощь и сотрудничество. «Болгарин долженствует вступиться, когда страдает еллин, а сей опять за него, а оба за албанца и волоха» — говорилось в статье 34-й конституции.

Человек глубоких демократических убеждений, враг церковников и кодзабасов, которых он называл пособниками турецкой тирании, Ригас Велестинлис верил в народ, в его способность своими силами свергнуть ярмо чужеземного рабства. Опасаясь, что идеи освобождения так, как они были изложены в его конституции, будут малодоступны широким массам населения, в основном неграмотного, Ригас вместе с конституцией напечатал сочиненный еще в 1796 г. свой замечательный «Военный гимн». Он начинается с призыва к партизанам-клефтам выйти на открытый бой с турецкими завоевателями, зажечь пламя общенародного восстания:

Что ж, братья палликары
До коих будем пор
Мы, словно львы, гнездиться
По кручам диких гор?
В лесах да по ущельям,
Вдали от городов,
И от людей таиться,
Чтоб не носить оков? ²

Ригас призывает к борьбе за свободу всех, кто опутан цепями султанского произвола и деспотизма.

Дохнуть и час свободой
Отрадней, чем в тюрьме,
Прожить хоть полстолетья
В невольничьем ярме.

² Стихотворные отрывки из «Военного гимна» даются в переводе русского поэта-революционера 60-х годов XIX в. М. И. Михайлова (М. И. М и х а й л о в. Собрание стихотворений, Л., 1953, стр. 629—633).

Яркими штрихами Ригас набрасывает картину освободительного восстания, огонь которого поднимается над всей империей султанов.

Зальем все земли турок
Пожаром — от полей
Боснийских до бесплодных
Аравии степей.

В «Военном гимне» чувствуется стремление Ригаса объединить все силы, по тем или иным причинам боровшиеся против султанской власти. Он не только обращался к угнетенным народам: черногорцам, болгарам, сербам, албанцам, армянам, арабам, к бунтовавшим против султана египетским беям и видинскому паше-сепаратисту Пазванд-Оглу, но и призывал к борьбе против султанского деспотизма даже турецкую знать:

Визирь ли ты, паша ли,
Носи в душе боязнь,
Что и тебя, быть может,
Неправая ждет казни!

С особой силой и проникновенностью поэт-революционер обращает свой зажигательный призыв к сынам своего народа: «львам» — сулиотам и маниотам, «орлам» Олимпа, «удалым» аграфиотам, «мужественным» македонцам, «морским птицам» Идры и Крита.

Еще до опубликования «Военный гимн» приобрел огромную популярность. Эта боевая революционная прокламация в поэтической форме была написана простонародным языком, до Ригаса в новогреческой литературе не употреблявшимся. Она не могла оставить равнодушным ни одного грека. Когда же на тайных собраниях греческих революционеров в Вене «Военный гимн» звучал в исполнении самого поэта, аккомпанировавшего себе на гитаре, энтузиазму собравшихся не было границ. Текст гимна распространялся в списках, заучивался наизусть, вдохновляя борцов за независимость Греции, вселяя в них веру в близкую победу.

Сам Ригас был уверен в том, что пробил уже последний час султанского деспотизма, на развалинах которого возникнет демократическая республика. В одной из статей конституции он даже указывал дату: 1 мая 1798 г., когда,

по его мысли, будут действовать первичные ассамблеи — органы республиканской власти на местах.

1 декабря 1797 г.³ греческий революционер явился в полицейское управление Вены за паспортом для поездки в Триест, откуда он намеревался выехать в Грецию. Полицейский чиновник, со слов Ригаса, записал в регистрационную книгу, что отъезжающий является уроженцем Валахии, коммерсантом. До сих пор точно не установлено, занимался ли Ригас когда-либо торговлей. Но известно, что он был уроженцем Фессалии, а не Валахии. Несомненно, Ригас, из конспиративных соображений, не сообщил о себе подлинных сведений. Однако в то же время в конспирации греческий революционер допустил серьезную ошибку, имевшую трагические последствия.

Еще перед выездом Ригас отправил в Триест свой багаж: три ящика с экземплярами его революционной брошюры, тайно отпечатанной в Вене. Он написал также в Триест своему другу Андониосу Корониосу, бывшему в курсе его революционных планов, и попросил позаботиться о сохранности этих ящиков. Свои письма Ригас отправил на адрес торговой фирмы, в которой Корониос служил писцом. Письма не застали Корониоса: он был в отъезде. Пакет на его имя вскрыл глава фирмы купец Димитриос Экономос.

В более опасные руки письма эти вряд ли могли попасть. Брат Экономоса служил у турецкого посла в Вене, сам же он мечтал получить должность турецкого консула в Триесте. Убедившись, из содержания писем Ригаса Велестинлиса, что дело идет о революционном заговоре греков против Османской империи и решив, что в награду за содействие в раскрытии заговора Порта предоставит ему желанное место, Экономос поспешил донести обо всем в полицию. Полиция немедленно конфисковала ящики с революционной литературой и устроила ловушку для самого Ригаса Велестинлиса.

19 декабря 1797 г., в день прибытия в Триест, Ригаса арестовали в гостинице. 5 февраля 1798 г. его в кандалах, под усиленной охраной отправили в Вену. Еще до этого австрийская полиция арестовала и некоторых других членов «Этерии».

³ Все даты в книге приводятся по новому стилю.

Ригас поет «Военный гимн»

Следствие по делу организации Ригаса Велестинлиса продолжалось около четырех месяцев. При аресте Ригасу с помощью его товарища Христофороса Перревоса удалось уничтожить имевшиеся у него обширные списки участников заговора. Документы, из которых можно узнать о революционной деятельности Ригаса Велестинлиса были уничтожены, но зато были спасены от жестоких репрессий многие греки в Австрии и Турции.

На допросах Ригас держался мужественно и стойко, стараясь направить основное внимание следствия на свои дела и намерения. Он не скрывал, что его главным желанием, целью всей его жизни является избавление Греции от турецкого рабства. По его словам, он «предпочел бы иметь господином дьявола, чем такого тирана, как турок».

Никакие инквизиторские ухищрения следователей не заставили Ригаса выдать участников «Этерии». Он называл имена или несуществующих людей или тех, кто был уже недосыгаем для австрийской и турецкой полиции.

Тем не менее следствию, на основании вещественных доказательств некоторых показаний арестованных, удалось составить картину обширного революционного заговора. Заговор этот, правда, не угрожал безопасности «Священной Римской империи германской нации». Дело шло об освобождении небольшого христианского народа из-под власти османских мусульманских феодалов. Однако «христианнейший» император Франц из монархической солидарности с «повелителем правоверных» — султаном Селимом — и, надеясь получить за выдачу греческих революционеров политические и торговые уступки, приказал передать Ригаса Велестинлиса и семь его соратников турецким властям. Как и следовало ожидать, революционеры без всякого суда и следствия были казнены наместниками султана (в ночь на 24 июня 1798 г.) в Белградской крепости.

Об обстоятельствах смерти Ригаса существуют различные версии. Согласно одной из них, тюремщики выводили революционеров поодиночке из крепости под предлогом отправки их в Стамбул, а затем топили в водах Дуная. Когда дошла очередь до Ригаса, он набросился на тюремщика и ударами кулака сбил его с ног. Тюремщики так и не смогли к нему подступить. Был отдан приказ расстрелять его. В тот момент, когда двое солдат направляли на него пистолеты, герой крикнул по-турецки: «Я посеял; скоро придет час, когда моя страна соберет сладкие плоды моих трудов». Рассказ этот, по всей вероятности, — романтическая легенда. Однако сам факт ее создания свидетельствует об огромном впечатлении, которое произвела на греков героическая жизнь Ригаса и его мученическая смерть. Колоссальным было влияние Ригаса Велестинлиса и на последующее развитие национально-освободительного движения в Греции.

Уничтожив Ригаса физически, палачи мечтали расправиться и с его идеями. Но это оказалось не под силу ни габсбургским полицейским, ни турецким пашам. Как уже говорилось, еще перед арестом Ригаса, австрийская полиция захватила его багаж, состоявший из трех ящиков. В них находились печатные экземпляры революционной

брошюры Ригаса Велестинлиса. Все они были уничтожены. Однако в лапы австрийской полиции попало примерно 2800 экземпляров из 3000. Остальные 200 разошлись по рукам. За ними охотились австрийские полицейские сыщики. Обнаружение этих революционных листов грозило жестокими репрессиями. Поэтому их прятали очень тщательно, а в случае опасности — уничтожали. К сожалению, до настоящего времени не найден ни один печатный экземпляр брошюры Ригаса Велестинлиса. Историкам удалось обнаружить лишь несколько рукописных списков с нее, что уже само по себе говорит о популярности революционных произведений Ригаса Велестинлиса среди его современников.

Самое широкое распространение в Греции получил «Военный гимн» Ригаса, который стал любимейшей песней народа. Соратник поэта Христофорос Перревос (ему удалось спастись) в 1798 г. перепечатал на Корфу «Военный гимн» Ригаса с одного из уцелевших экземпляров брошюры. Печатные экземпляры нового издания скоро стали редкостью и их усердно копировали от руки.

«Военный гимн» слышался всюду: за застольной беседой и на сходках, летом — под тенью оливковых деревьев и платанов, зимой — у очага. Его повторяли старые и молодые, мужчины и женщины. Мелодия его стала настолько популярной, что даже турецкие министры в Стамбуле во время своих увеселений приказывали грекам-музыкантам исполнять патриотическую песню Ригаса Велестинлиса, не зная, конечно, к счастью для музыкантов, ее содержания.

Особенно большое влияние «Военный гимн» оказывал на впечатлительные души молодежи. Вот подлинное происшествие. В 1817 г. два грека, один из них — монах, путешествуя по Македонии, остановились отдохнуть и подкрепиться в деревенской булочной. Здесь оказался юноша-пекарь, уроженец Эпира. Он сначала внимательно осмотрел обоих путешественников и, обратившись затем к одному из них, спросил его, умеет ли тот читать. Получив утвердительный ответ, он попросил путешественника пойти с ним на несколько минут на соседнее поле. Когда они уселись на обломок дерева, юноша вытащил из-за пазухи книгу. То был маленький томик песен Ригаса Велестинлиса. Юноша попросил путешественника прочесть что-нибудь из него. Путешественник взял книжечку и начал

читать ее без особого выражения. Когда он через несколько мгновений поднял глаза на своего слушателя, то с удивлением увидел перед собой совершенно другого человека. Лицо юноши горело и все его черты выражали восторг. Его полуоткрытые губы дрожали, а из глаз лились потоки слез. «Вам первый раз читают эту книжечку?», — спросил его путешественник. «Нет, — ответил он, — я прошу всех проезжающих здесь путешественников прочесть мне что-нибудь из нее, и все это я уже слышал». «И каждый раз с таким волнением?», — спросил путешественник. «Да, все с таким же», — ответил юноша.

Имя Ригаса Велестинлиса, его революционные песни вскоре стали известны не только в Греции, но и в других странах. Правда, более или менее точные сведения о греческом революционере и поэте появились в энциклопедиях и справочниках не сразу: долгое время судьбу его окутывали легенды и вымыслы, а подлинные документы о нем были наглухо погребены в австрийских архивах⁴.

И все же в русских журналах уже в начале XIX в. можно встретить имя Ригаса Велестинлиса или, как его тогда называли в России, — Риги. Русская общественность познакомилась и с революционными произведениями поэта. Его пламенные песни и трагическая судьба были известны А. С. Пушкину. Позднее же вольнолюбивые строки «Военного гимна», переведенного поэтом М. И. Михайловым, вдохновляли русских революционеров на борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Ригаса Велестинлиса по праву можно считать зачинателем греческого национально-освободительного движения. Выдвинутая им программа стала программой наиболее революционной части греческой буржуазии — греческих «якобинцев».

В эти же годы в греческом национальном движении возникло и умеренное направление, идеологом которого

⁴ Австрийское императорское правительство многие годы упорно отказывалось разрешить исследователям, изучавшим жизнь Ригаса Велестинлиса, работать в своих архивах. Лишь около 1890 г., после долгих хлопот, такое разрешение смог получить французский эллинист Э. Легран. В 1892 г. он впервые опубликовал 35 документов о Ригасе из Венского архива. Однако от французского ученого утаили важнейшие документы, показывавшие в весьма неприглядном свете австрийскую полицию и самого императора Франца. Эти документы увидели свет лишь в 1930 г. — через 12 лет после крушения Австро-Венгерской монархии.

явился выдающийся греческий ученый и просветитель Адамантиос Кораис (1748—1833 гг.). Сын богатого греческого купца из Смирны, Кораис в 1782 г. уехал во Францию для изучения медицины и остался там до конца своей жизни. Диссертация о древнегреческом враче, «отце медицины» — Гиппократе, опубликованная в 1787 г., была первым и последним его трудом по медицине. В дальнейшем А. Кораис прославился как крупный ученый-филолог.

На формирование мировоззрения Кораиса большое влияние оказала Французская революция, события которой прошли на его глазах. Он, как и Велестинлис, возлагал большие надежды на помощь Французской республики в освобождении Греции от османского рабства. В 1798—1800 гг. Кораис написал ряд произведений революционного содержания. Вскоре, однако, взгляды Кораиса изменились, в чем известную роль сыграло его разочарование в Наполеоне Бонапарте, обещания которого освободить Грецию оказались чистой демагогией. Главной целью своей жизни Кораис стал считать распространение просвещения в Греции, как необходимой предпосылки освобождения ее от турецкого ига.

Вторую половину XVIII — начало XIX в. часто называют эпохой духовного возрождения Греции. В стране наблюдался большой подъем просвещения. В начале XIX в., по некоторым данным, в Греции действовало 14 средних школ, в каждой из которых в среднем обучалось 200 учеников. По своей программе эти школы мало чем отличались от европейских лицеев. В них преподавались древнегреческий и новогреческий языки, основы французского или итальянского языков, греческая литература, география, история, математика, логика, а в некоторых школах — физика и метафизика. Размах просветительной деятельности в Греции в тот период станет еще более ощутимым, если иметь в виду, что Порта не тратила ни одного пиастра⁵ на образование своих христианских подданных. Школы основывались и содержались целиком за счет пожертвований частных лиц, главным образом, разбогатевших за границей греческих купцов. В то время за границей типографии выпускали книги на новогреческом языке. В последнем десятилетии XVIII в. было издано грече-

⁵ Пиастр — турецкая монета. В 1800 г. 1 пиастр равнялся 60 коп.

ских книг больше, чем за весь период от падения Константинополя до 1790 г. В их число входили переводы произведений многих передовых мыслителей Европы: Руссо, Локка, Монтескье и др., а также и оригинальные сочинения греческих ученых по философии, математике, географии, истории.

Сам А. Кораис много сделал для развития греческой культуры. Он переиздавал труды древнегреческих классиков, содействовал организации школ и библиотек в стране. Стремясь сделать учение более доступным для народа, Кораис добивался упрощения церковно-византийского письменного языка, совершенно оторванного от разговорного языка народа. Он советовал писателям следовать примеру древних Платонов и Исократов, которые хотя и не пользовались языком афинских матросов, но писали так, что их понимали и матросы.

Истинный патриот, враг мракобесия, Кораис всегда был бескорыстным ревнителем просвещения. Не имея постоянного дохода, он тем не менее не принял предложенное ему Наполеоном годовое жалованье в 2 тыс. франков, а также отказался от должности профессора древнегреческого и новогреческого языка в Коллеж де Франс. Кораис опасался, что служба наложит на него обязанности, которые помешают ему трудиться на благо своей страны.

В 1803 г. Кораис, с гордостью отмечая успехи греческого просвещения, писал, что сейчас в Греции достаточно книг, переведенных с европейских языков, и просвещенных людей, которые «не только в состоянии споспешествовать возвышению наук у себя, но даже восстановить оные в Европе, если бы можно было предположить, что тамошние народы погрузились опять в невежество 13 и 14 столетий»⁶.

Заслуженно гордясь подъемом просвещения в Греции, Кораис в то же время преувеличивал значение этого фактора в борьбе за освобождение. Распространение образования он считал единственным путем к свободе. По его убеждению, стоило всем грекам стать образованными, как турецкие паши перестанут быть тиранами и станут питать к ним «любовь и уважение». Путь же насилия (т. е. воору-

⁶ А. К о р а й. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815, стр. 58.

женной борьбы) он отвергал, называя его «неправедным» и «безрассудным».

Политические взгляды Кораиса были созвучны настроениям крупной буржуазии, которая желала освобождения Греции, однако боялась революционных действий народа и стремилась оттянуть развязку национально-освободительной борьбы. Находившийся в начале XIX в. в Греции французский дипломат Ф. Пукевиль свидетельствует о том, что крупные греческие купцы Леванта и судовладельцы Идры призывали народ к спокойствию и терпению, утверждая, что турок нужно победить не оружием, а перевесом в богатствах и знаниях. Однако «народ, — продолжал французский дипломат, — задавленный тяжелыми налогами, воодушевленный сознанием своей силы, оставался глух к этим призывам к умеренности»⁷.

Боевое настроение народных масс поддерживали греческие буржуазные революционеры — продолжатели дела Ригаса Велестинлиса. После его гибели возникли новые тайные этерии, в их числе — «Афина», «Феникс», вторая «Этерия», основанная в 1806 г. в Северной Италии, а также «Гостиница греческого языка».

О деятельности этих тайных организаций известно пока еще очень мало. Некоторое исключение составляет, пожалуй, лишь «Гостиница греческого языка», основанная в 1809 г. в Париже Григориосом Заликисом. За вывеской просветительной организации здесь скрывалось тайное общество, преследовавшее цель освобождения Греции путем вооруженного восстания. В него входили как греки, так и французы-филэллы. Принятые в общество должны были внести денежный взнос и дать тайную клятву. Каждому члену общества присваивался номер. Члены общества опознавали друг друга с помощью условных фраз. Всем им давался также перстень с эмблемой: две руки, соединенные в рукопожатии, и надпись Ф. Е. Д. А. (начальные буквы греческих слов: «Греческого Братства Нерушимые Узы»). Григориос Заликис, являвшийся связующим звеном между членами общества, условно именовался «Содержателем гостиницы».

Общество «Гостиница греческого языка» не развило сколько-нибудь значительной деятельности. В частности,

⁷ F. Pouqueville. Histoire de la régénération de la Grèce, t. I. Paris, 1825, p. 367.

нет данных, что оно было как-то связано с самой Грецией. Да и число его членов, если судить по немногим сохранившимся документам, составляло всего 30 человек. Из всех греческих этерий, возникших после смерти Ригаса Велестинлиса, лишь «Филики Этерия», основанная в 1814 г. в России, стала массовой общенациональной организацией, сумевшей осуществить поставленную перед собой цель. Понять причины этого успеха невозможно без краткого ознакомления с положением греков в России в конце XVIII — начале XIX в. и политикой царского правительства в греческом вопросе.

Россия и Греция на рубеже XVIII—XIX вв.

Восьмого мая 1779 г. в Царском Селе у русской царицы Екатерины II родился внук. Некоторые обстоятельства придали этому событию особый смысл. Мальчику дано было имя Константин, ранее в семье Романовых не встречавшееся. Во время устроенных по этому случаю торжеств хор пел песни на нозогреческом языке. Была выбита также медаль с изображением храма св. Софии в Константинополе. По желанию бабки Константин воспитывался вместе с молодыми греками и изучал греческий язык.

Русская царица не напрасно «эллинизировала» своего внука. Как раз в это время Екатерина вместе со своим союзником, австрийским императором Иосифом II, разрабатывала грандиозный план раздела Османской империи. Помимо территориальных приобретений для России и Австрии, этот план предусматривал создание независимого государства — «Греческой империи» во главе с кем-либо из членов русского царствующего дома. Константину Павловичу предназначался скипетр «греческого императора». Задуманный план, вошедший в историю под названием «греческого проекта», был, по многим причинам, нереальным. Екатерина II это скоро поняла и перестала им заниматься. Однако до конца своего царствования она по-прежнему очень интересовалась греческими делами.

То же можно сказать и о ее преемниках — Павле I и Александре I. После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. борьба между Россией и Османской империей за побережье Черного моря не закончилась. Турция принимала отчаянные попытки удержать оставшиеся в их руках земли Северного Причерноморья и вернуть потерянные. В борьбе с Турцией царское правительство

стремилось использовать силы поработанных и жаждавших сбросить турецкое ярмо балканских народов.

После Кючук-Кайнарджийского мира русская политика на Балканах значительно активизировалась. Для усиления своего влияния на Балканах царизм выступил в роли «покровителя» православных балканских христиан. В этот период Балканский полуостров находился под духовной юрисдикцией греческой Константинопольской патриархии. Не удивительно, что между правящими кругами царской России и высшим греческим духовенством образовался тесный контакт. Не менее тесные связи возникли и между правящей верхушкой Российской империи и фанариотами, поскольку последние в XVIII в. играли огромную роль в дипломатическом ведомстве Османской империи и, как правило, управляли дунайскими княжествами — Молдавией и Валахией.

Сама Греция, с ее единоверным России населением, постоянно боровшаяся против турецкого господства, представляла серьезный военный фактор, сковывавший, как особенно наглядно показали две русско-турецкие войны в царствование Екатерины II, значительные силы турецкой армии.

Вот почему и Екатерина II и ее преемники с особой благосклонностью относились к грекам, в первую очередь, конечно, к греческой аристократии и высшему духовенству. Греческие аристократы, покидавшие по политическим причинам Турцию и поселявшиеся в России, получали пенсии, допускались к высоким правительственным должностям; их охотно принимало в свою среду самое родовитое русское дворянство.

О степени доверия царского правительства к греческим эмигрантам свидетельствует тот факт, что им был открыт доступ в важнейшие звенья государственной машины (дипломатическое ведомство и армия). Кроме И. Каподистрии, статс-секретаря по иностранным делам (1815—1822 гг.), высокие посты в русском дипломатическом ведомстве в конце XVIII — начале XIX в. занимали: К. К. Родофиникин, А. К. Псаро, Г. Д. Моцениго и другие греки. Почти исключительно греки замещали и консульские должности в странах Леванта. Много греков-офицеров служило в русской армии, причем некоторые из них дослужились до генеральских чинов (А. К. Ипсиланти, Э. Г. Папандопуло, И. Горголи и др.). Для подготовки

офицеров из детей греков-эмигрантов был создан в 1775 г. в Петербурге Греческий кадетский корпус.

Греческую эмиграцию в Россию без преувеличения можно назвать настоящим народным движением. И хотя среди переселенцев из Греции были и епископы, и выходцы из княжеских фамилий Фанара, и крупные греческие землевладельцы, основную их массу составляли купцы, крестьяне, клефты, арматолы. Этот ручей греческой эмиграции в Россию, не иссякавший на всем протяжении турецкого господства, во второй половине XVIII в. превратился в широкий поток.

Усиление переселенческого движения было связано с активным участием греков в русско-турецких войнах второй половины XVIII в.: многие из участвовавших в них греков-добровольцев вместе с семьями переселялись в Россию. После войны 1768—1774 гг. часть эмигрантов поселили в Балаклаве и в семи селах между Балаклавой и Ялтой. Поселенцам было поручено нести карантинно-пограничную службу. Их военный отряд получил наименование «Балаклавский греческий пехотный батальон». Офицерский состав батальона состоял исключительно из греков.

В 1818 г. в Крыму побывал Александр I. В поездке его сопровождал И. Каподистрия. Вернувшись в столицу, царь специальным указом от 6 сентября 1818 г. даровал батальону некоторые привилегии «во внимание, с одной стороны, к военным заслугам, а с другой — к той пользе, которую он приносит, держа постоянно на берегу Черного моря кордонную стражу на значущем пространстве Крымского полуострова»¹. По этому указу батальону, между прочим, было пожаловано 14 152 десятины земли, а также учреждено в Балаклаве училище для детей нижних чинов. Балаклавский греческий батальон просуществовал до 1859 г., с честью участвуя в войнах, которые вела в тот период Россия.

Многие греческие переселенцы обосновались на землях Северного Причерноморья, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. Греческие колонисты внесли немалый вклад в быстрое экономическое развитие этих земель. Так, греки, выселившиеся из Крымского

¹ А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731—1823, ч. II. Одесса, 1836—1838, стр. 273.

Офицер Балаклавского греческого батальона

ханства, в 1779 г. основали город Мариуполь (ныне Жданов), превратившийся с течением времени в крупный порт и важный индустриальный центр Украины. Екатерина II даровала мариупольским грекам значительные привилегии. Они на 10 лет были освобождены от всех налогов и повинностей, навечно освобождены от рекрутского набора, получили право самим избирать местные власти.

Русско - турецкая война 1787—1791 гг. дала новый толчок греческой эмиграции на юг России. По Ясскому договору 1792 г. Россия получила все пространст-

во земель от Буга до Днестра. Здесь на развалинах турецкого замка Гаджибей в 1794 г. была основана Одесса, в короткое время превратившаяся в большой город и крупнейший русский черноморский порт. Город-порт с прекрасными зданиями, громадными складами, десятками кораблей на рейде. Население ее выросло с 2349 человек (1795 г.) до 25 тыс. (1814 г.). Большой спрос на рабочие руки в городе, где постоянно шло большое строительство, легкость приобретения земли привлекали в Одессу переселенцев из разных концов России, а также иностранцев, которым правительство предоставляло различные льготы. В числе первых иностранных колонистов прибыли в Одессу жители балканских стран: Греции и Албании.

История греческой колонии Одессы, которой принадлежат большие заслуги в греческом национально-освобо-

дительном движении, заслуживает внимания. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. греки и албанцы храбро сражались против турецкого султана на Средиземном море на кораблях добровольческой флотилии Ламброса Кадониса.

После окончания войны несколько сот из этих добровольцев оказались в «полуденном краю» России. Когда возник вопрос об их устройстве, генерал-губернатор Новороссийского края граф П. А. Зубов предложил Екатерине II поселить их в окрестностях Одессы, выделив для этой цели 15 тыс. десятин земли. «Польза, могущая последовать от таковых поселенцев по способности их к морской службе, особливая привязанность их к России, пожертвованием отечества доказанная, и самая справедливость воздаяния за их службу убеждают обратить на них попечительное внимание», — писал Зубов, мотивируя свое предложение². Екатерина II в апреле 1795 г. одобрила этот проект. Из албанцев и греков был сформирован «греческий дивизион». Одновременно Екатерина II утвердила «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев». Для этих переселенцев было приказано построить на первый случай 53 каменных дома. Переселенцам давались денежные пособия и они на 10 лет освобождались от всех податей и повинностей. Учреждалась также специальная должность попечителя над переселенцами, который должен был заботиться «о доставлении им при переселении и водворении всякого пособия, об охранении их от притеснений, о соблюдении в обществе их мира, тишины и доброго согласия». Этим греческим попечителем был назначен подполковник грек Кесоглу «по уважению его и доверенности в нации греческой»³.

Командир Одесского военного порта адмирал де Рибас приказал перевести на греческий язык привилегии, данные Екатериной II переселенцам, и разослал экземпляры перевода в различные места, передал и в Стамбул русскому послу В. П. Кочубею. Эффект этой меры скоро ска-

² Г. Л. А р ш. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963, стр. 79.

³ А. О р л о в. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса, 1885, стр. 7.

зался. К концу 1795 г. в Одессу с островов Архипелага переселилось до 100 семейств, из них 27 купцов с небольшими капиталами. В последующие годы переселенцы продолжали прибывать в Одессу из разных районов Греции.

О значении греческого населения в городской жизни в тот период говорит следующий факт: на дарованном в 1798 г. Одессе городском гербе имелась надпись на русском, греческом, итальянском и немецком языках.

В греческую общину Одессы входили также солдаты и офицеры греческого дивизиона. В 1797 г. в нем насчитывалось 337 человек. В этом же году Павел I, отменивший многие мероприятия своей матери, ликвидировал и греческий дивизион. Однако в 1803 г. Александр I восстановил его под именем «Одесского греческого батальона». Численный состав дивизиона увеличился в 1808 г. до 670 человек. Одесский греческий батальон просуществовал до 1820 г., когда часть его людей была причислена к Балаклавскому греческому батальону, а остальные получили порядочные участки земли и сделались землепашцами.

Переселившиеся в Россию греки, кроме земледелия, занимались ремеслом и торговлей. Например, сформировавшийся еще в 1799 г. в Одессе цех булочников целиком состоял из греков. Большого размаха достигла торговля греческих купцов в России. Выход России на Черное море, быстрое освоение обширных и богатых земель Новороссии открыли большие возможности для внутренней и внешней торговли. Возникли новые торговые пути. Это, между прочим, привело к упадку старой греческой торговой колонии в Нежине. Многие греки-купцы из Нежина, продолжая числиться в списках «Нежинского греческого купеческого братства» (и пользуясь, таким образом, привилегиями этой корпорации), переехали в Москву, Одессу, Таганрог и другие города. Здесь, вместе с новыми переселенцами из Греции, они основали большое количество купеческих фирм. Имеются сведения, что в начале XIX в. в России функционировало 800 торговых греческих фирм.

Некоторые из греческих купцов в России нажили большие состояния. Нередко они жертвовали нажитые капиталы, частично или целиком, на основание школ и больниц в Греции, печатание греческих книг и иные патриотические цели. Особенно прославились своей патриотической деятельностью богатые московские купцы, уроженцы

Эпира, братья Зосима: Зой, Анастасий, Николай и Михаил. За их счет были напечатаны произведения греческих просветителей Евгеноса Вулгариса и Адамантиоса Кораиса, словари и катехизисы, учебники по математике и физике и творения отцов церкви. Братья Зосима основали также у себя на родине, в Янине, училище.

Пример братьев Зосима вызывал своеобразное соревнование среди богатых греческих купцов. Особенно отличился земляк братьев, также уроженец Эпира, Зой Капланис. В Москву он прибыл в 1771 г. и занялся торговлей с различными русскими и западными городами. Любя, по словам его биографа, «покойную и безбрачную жизнь», Капланис избрал своим постоянным местожительством Греческий Николаевский монастырь. Весь свой нажитый в России за несколько десятков лет капитал — 183 тыс. рублей, греческий купец пожертвовал на содержание школ, больниц и на благотворительные дела в Греции. Над портретом Капланиса, который его душеприказчики послали в основанное им (также в Янине) училище, имелась следующая характерная надпись: «Фалес, Платон, Евфоров и Пифагор принесли богатство мудрости в Грецию, Капланис же, извлекая богатство из Севера, приносит божественную мудрость в отечество»⁴.

Конечно, далеко не все греки в России стали богатыми купцами. Да и царская Россия отнюдь не являлась каким-то «островом благоденствия». Основная масса населения страны была совершенно бесправна и изнывала под тяжестью налогов и повинностей. Социально-экономический гнет и чиновничий произвол испытывали и греческие колонисты. Но все же условия, в которых жили греки в России, даже сравнивать нельзя с теми, в которых находились греки под султанским владычеством.

Кроме того, социально-экономический гнет для иностранных колонистов значительно смягчался теми льготами, которые предоставляло им царское правительство. В манифесте Павла I от 24 февраля 1798 г. о привилегиях для иностранных колонистов в Крыму имелся, например, пункт, который гласил, что они «никогда не могут быть укрепляемы в крестьянство» (т. е. превращены в крепост-

⁴ «Редкий благодетельный подвиг Зоя Константиновича Каплани». М., 1809, стр. 67. Эта весьма редкая книга издана в Москве с текстом одновременно на двух языках: русском и греческом.

Кап л а н и с
(Современная граюра)

ных). Помимо общих привилегий для эмигрантов, этот и другие царские манифесты предоставляли особые привилегии грекам — «яко единоверцам». Важно также отметить, что греческие колонисты в России были совершенно избавлены от национального и религиозного гнета. В социально-экономическом же отношении не только греки-крестьяне, но и греки-купцы, пользуясь предоставленными им царским правительством преимуществами, как правило, находились в лучшем положении, чем соответствующие категории русского населения.

Кючук-Кайнарджийский мир позволил царскому правительству влиять на судьбу греков и в самой Османской империи.

Используя довольно туманную статью договора об обязанности Порты обеспечить «твердую защиту христиан-

скому закону», русские дипломаты энергично выступали в защиту Греции.

После Кючук-Кайнарджийского мира русские консулы впервые появились и на территории Греции. «Русские консулы,— писал об их роли Кораис,— по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турков, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство России или служили под начальством русских»⁵.

Особое значение покровительство России имело для населения Эгейских островов. Все суда Идры, Спецце и Псарры перед восстанием 1821 г. плавали под русским флагом. По данным русского посольства в Константинополе (1819 г.), из 1000 судов, плававших под русским флагом в Черном и Средиземном морях, 500 принадлежали грекам — оттоманским подданным, из них, примерно, половина — жителям Идры, Спецце и Псарры. Для получения права пользования русским флагом документы на эти суда оформлялись на фиктивных собственников — русских подданных.

Порта предпринимала различные уловки для того, чтобы лишить жителей Эгейских островов покровительства России, а затем уничтожить грозную для нее морскую силу греков. Так, весной 1820 г. в порт Идры прибыл турецкий военный корабль с драгоманом капудана-паши на борту. Он передал главам общины султанский ферман, в котором, в обмен на обещание освободить жителей Идры от налогов и уравнивать их в правах с турецким населением, содержалось требование поднять на своих кораблях турецкий флаг. Идриоты были заранее извещены о намерениях Порты русским послом в Константинополе Г. А. Строгановым. Поблагодарив султана за «заботу», они ответили, что не могут поднять турецкий флаг, поскольку корабли принадлежат не им, а русским купцам. Такой же ответ на демарш Порты дали Псарра и Спецце. Таким образом были спасены корабли трех островов. К моменту начала национально-освободительного восстания 1821 г. весь греческий флот оказался объединенным и в боевой готовности.

⁵ А. К о р а й. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815, стр. 25.

Свою политику покровительства грекам царское правительство проводило довольно последовательно, не отказываясь от нее и в периоды улучшения отношений с Турцией. Именно в такой период, в 1800 г., по инициативе России, была создана Республика Семи Соединенных островов — первое в новой истории греческое автономное государство, ставшее очагом освободительной деятельности греческих патриотов. Здесь находили убежище арматолы и клефты, которых преследовали турецкие власти. Многие из них поступили на службу в созданные русским командованием «легионы легких стрелков» и другие воинские подразделения из греков и албанцев, численный состав которых превышал 4 тыс. человек. На офицерских постах в этих подразделениях прошли хорошую боевую выучку виднейшие руководители греческого национально-освободительного восстания 1821—1829 гг.: Теодорос Колокотронис, Анагностарас (Анагностис Папагиоргис), Маркос Боцарис, Христофорос Перревос и др. В Республике Семи Соединенных островов начал свою политическую карьеру и И. Каподистрия. Пребывание на островах жителей из различных уголков Греции способствовало формированию общегреческого патриотизма, сближению мореотов и румелиотов, островитян и эпиротов в общей борьбе за независимость Греции.

Летом 1807 г., вскоре после начала русско-турецкой войны, на острове Св. Мавры (Левкас) происходило небольшое торжество, большой исторический смысл которого стал ясен лишь много лет спустя. Это было нечто вроде клефтской пирушки, устроенной служившими в русских подразделениях греками. Под шатром высоких деревьев ярко горели костры. Совсем близкий к Св. Мавре берег континента — поработанная турками Греция — был погружен во мрак.

У костров собрались участники пирушки: русский генерал, грек по происхождению, Э. Г. Папандопуло, командир «легионов легких стрелков», начальники прибывших на остров Св. Мавры добровольческих отрядов с Кефаллинии, Итаки, Закинфа, Корфу, укрывавшиеся на островах командиры арматолов и клефтов со всех концов Греции. Тут же находился и Иоанн Каподистрия, которому правительство Республики поручило организацию обороны Св. Мавры. Здесь, в присутствии представителей всех греческих областей, будущий правитель Греции предложил

тост за «возрождение греческого племени». Присутствовавшие среди гостей знаменитые капитаны клефтов: Колокотронис, Варнакиотис, Никитарас дали клятву до конца бороться за свободу Греции.

Царское правительство покровительствовало грекам из определенных политических соображений. Помимо того, что в случае войны с Турцией от греков всегда можно было ждать военной помощи, в начале XIX в. в греческой политике царизма действовал еще один фактор. Ловко спекулируя на национальных чаяниях греческого народа, Наполеон сумел усилить французское влияние в Греции. Противодействуя политике Наполеона, правительство Александра I проявляло подчеркнутое внимание к грекам. Но в силу самой своей природы царизм не мог выступить в роли поборника свободы и независимости Греции. Он легко жертвовал интересами греков в угоду своим корыстным политическим расчетам. Так, Александр I в Тильзите отдал Ионические острова Наполеону, что отрицательно сказалось на положении островитян.

Однако самые широкие общественные круги России искренне сочувствовали борьбе греков за свое освобождение. В русских журналах начала XIX в. можно часто встретить статьи, в которых выражалось горячее сочувствие греческому народу, страдавшему под турецким игом и высказывалась надежда, что недалек тот час, когда греческий народ добьется полного избавления. Например, в статье «О состоянии словесности и наук у нынешних греков», опубликованной в 1809 г. в «Вестнике Европы», одном из самых распространенных журналов, говорилось: «Благомыслящие сыны Эллады неутомимой своей ревностью ускоряют ход нравственного возрождения — предтечи возрождения политического, в котором при нынешних обстоятельствах и отчаиваться не должно. И кто не желает грекам сей счастливой перемены?». Поэт А. Родзянко, друг А. С. Пушкина, заявлял о готовности русских прийти на помощь грекам в избавлении от тяжелого рабства. Вспоминая о давних русско-греческих связях, он писал:

Мы помним, чем должны пред вами!

Неблагодарных нет меж нами!

Спасем, порукой чести! Надейтесь! Близок час!⁶

⁶ А. Родзянко. Развалины Греции. — «Дух журналов», 1816, ч. XII.

Реакция на покровительство, защиту и привилегии, которые сыны Эллады получали от России,—естественна и, по-человечески, вполне понятна,—греки отвечали привязанностью к России. «Русский народ считается у большей части греков мессией». Греки «всегда славилась и славятся торжествами русских и почитают их собственными». Значение этих слов, сказанных в 1803 г. Кораисом⁷, возрастет, если учитывать, что автор их никогда не принадлежал к числу апологетов самодержавной России. Во время русско-турецких войн греки-добровольцы стекались под русские знамена. Греки были неизменно на стороне России и в ее войнах с Наполеоном. Характерен такой факт: в 1815 г., во время «Ста дней», в городах Европейской Турции, в том числе в Янине, Кастории, Серресе, проводилась подписка на добровольный заем в помощь России.

Греки, обосновавшиеся в России, были связаны общей судьбой с ее народом. Так, греческие поселенцы в Северном Причерноморье в немалой мере содействовали экономическому развитию этих земель. Не остались греки в стороне и от культурной жизни страны. И. Каподистрия, в период его пребывания в России, был близок с некоторыми деятелями русской культуры: с В. А. Жуковским, Н. М. Карамзиным и др. Богатый московский купец-грек Зой Зосима делал значительные пожертвования не только для училищ в Греции, но и для Московского университета. Греки, вместе с другими народами, встали на защиту России, когда в нее вторглись наполеоновские полчища.

9 августа 1812 г. на собрании представителей всех сословий Одессы градоначальник герцог Ришелье призвал жителей жертвовать деньги для русской армии. Обращаясь особо к грекам, герцог сказал: «Вы оставили места своего рождения, где народ ваш стонет под тяжким угнетением и, нашедши в России покров, защиту и спокойствие, неужели не последуете знаменитому примеру предков ваших, всегда готовых всем жертвовать для славы своего народа?»⁸ Греки охотно откликнулись на призыв Ришелье. Из 280 тыс. рублей, пожертвованных одесситами (40 тыс. из них дал сам Ришелье),— 100 тыс. внесла гре-

⁷ А. К о р а й. Указ. соч., стр. 48—49.

⁸ А. С к а л ь к о в с к и й. 1812 год в Новороссийском крае. Одесса, 1837, стр. 11.

ческая община города. Ришелье в своей речи не призвал одесситов вступать добровольцами в русскую армию. Однако живший в Одессе турецкий подданный грек Яни Бабашиха обратился к нему с просьбой принять его и 50 других греков, которые из-за бедности не могли много пожертвовать для армии, на военную службу и отправить на фронт.

Греки легко акклиматизировались в России. Но они не порывали связей и со своей родиной. Особенно тесно были связаны с Грецией купцы и судовладельцы городов и местечек Северного Причерноморья. Сюда постоянно прибывали новые переселенцы, привозившие вести с родины. Горячо сочувствуя страданиям своих братьев и сестер, оставшихся под властью турецких пашей, этот приморский люд был готов жертвовать имуществом и жизнью ради их освобождения. Греческий историк И. Филимонос писал о патриотической деятельности жителей греческих торговых колоний юга России: «Хотя и наслаждаясь в чужой стране спокойствием и материальным благополучием, они всегда были готовы конспирировать ради своей родины. Работая, не щадя сил, для ее блага, они действительно были убеждены в том, что русские и греки, кто-нибудь — первый, а кто-нибудь — вслед, или те и другие — одновременно, выступят против Турции»⁹.

⁹ I. Φιλίμονος. Δοκίμιον περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως. Ἐν Αῠθῆναις, 1859—1861, т. I, с. 10—11.

Основание «Филики Этерии»

Сентябрь 1814 г. В Вену на конгресс съезжались короли, герцоги, курфюрсты — весь цвет феодальной Европы.

Венский конгресс был призван утвердить незыблемость феодально-абсолютистских порядков, избавив в дальнейшем «помазанников божьих» от таких «беспокойств», как революции и восстания. Султан, хотя и не принимал участия в конгрессе, также был причислен к сонму «легитимных» монархов и взят под «защиту» от собственных подданных. Когда И. Каподистрия, присутствовавший на конгрессе, как-то заговорил о необходимости улучшения положения греков, он услышал от австрийского канцлера Меттерниха слова: «Греческая нация не существует». Однако «несуществующая» греческая нация жила, боролась и была уже на пороге своей независимости. В сентябре 1814 г. в Одессе возникла «Филики Этерия» — организатор греческого национально-освободительного восстания 1821 г., выдвинувшего греков в ряд независимых европейских наций.

Задача, стоявшая перед ее основателями, была не из легких. В греческом обществе были широко распространены тогда различные иллюзии вроде того, что для освобождения Греции достаточно распространения просвещения или что Греция получит свободу от той или иной из европейских держав. Такие идеи, конечно, мешали развитию национально-освободительной борьбы. Чтобы вырваться из плена этих иллюзий, выдвинуть практическую программу освобождения Греции руками самих греков, и идя по стопам Ригаса, учитывая его опыт, создать тайную революционную организацию общенационального масштаба, требовалось мужество и революционная смелость, нужны

были большая энергия и организаторский талант. И, разумеется, нужна была горячая любовь к своему поработанному и страдающему народу и готовность отдать все свои силы ради его освобождения.

Всеми этими качествами обладали основатели «Филики Этерии» — скромные, никому до этого не известные патриоты: Николаос Скуфас, Афанасиос Цакалов и Эммануилос Ксантос. Все они были выходцами из купеческогословия: Скуфас содержал торговое заведение в Одессе, Ксантос служил приказчиком у богатого одесского купца Василиоса Ксениса, а Цакалов — сын богатого московского торговца мехами, учился в Париже. Э. Ксантос, уроженец Патмоса (Додеканезы) поселился в Одессе в 1810 г. Летом 1813 г. он, по-видимому, по торговым делам, оказался на острове Левкас (Ионические острова), где вступил в масонскую ложу. Масонские ложи, существовавшие тогда в Греции, преследовали и политическую цель: содействовать освобождению страны.

В ноябре 1813 г. Ксантос вернулся в Одессу, где познакомился с Скуфасом, также масоном, прибывшим в Одессу из Эпира. Весной 1814 г. проездом в Москву в Одессе оказался Цакалов, который во время пребывания в Париже вступил в «Гостиницу греческого языка». В Одессе Цакалов познакомился и подружился со Скуфасом и Ксантосом.

После апреля 1814 г. друзья часто собирались и обсуждали положение своей страны. В ходе этих бесед, как вспоминал позднее Ксантос, у них возникла идея объединить в секретном обществе «всех отборных и отважных соотечественников для того, чтобы сделать самым то, чего они так долго ожидали от милосердия христианских государей»¹.

Выработка организационной структуры общества продолжалась 4 с лишним месяца и в основном завершилась в сентябре 1814 г. После этого Скуфас и Цакалов отправились по своим личным делам в Москву, где до конца ноября 1814 г. внесли некоторые усовершенствования в структуру тайной революционной организации, которой они дали название «Филики Этерия» («Дружественное

¹ Ε. Ξανθοῦ. Ἀπομνημόνευματα περὶ τῆς Φιλικῆς Ἑταιρίας. «Ἀπομνημόνευματα Ἀγωνιστῶν τοῦ '21». Ἀθῆναι, 1956, т. 9, с. 141.

Николаос Скуфас

общество»). В России же, когда позднее узнали о существовании «Филики Этерии», ее сокращенно называли «Гетерией». Разница в произношении («Этерия», «Гетерия») объяснялась тем, что некоторые слова новогреческого языка произносились тогда в России на древнегреческий манер. Например, вместо «Эллада» говорили: «Геллада», вместо «эллины» — «геллины».

На разработанную ее основателями структуру общества большое влияние оказали организационные принципы карбонариев и масонов². По осведомленности и участию в деятельности организации все ее члены делились на 7 степеней, носивших условные названия. Это были: 1) «побра-

² О деятельности карбонариев этеристы могли узнать через А. Цакалова, поскольку «Гостиница греческого языка», по-видимому, поддерживала контакт с организациями карбонариев.

Эммануилос Ксантос

тимы», 2) «рекомендованные», 3) «иереи», 4) «пастыри», 5) «архипастыри», 6) «посвященные», 7) «начальники посвященных» (три последние степени были введены не при основании «Филики Этерии», а позднее, в 1818 г.).

Вербовка в «Филики Этерию» происходила в строго индивидуальном порядке. Начальными для всех членов общества являлись две низшие степени. Совершенно неграмотные патриоты вступали в общество со степенью «побратима». Вступающий в «побратимы» получал от вербовщика (а им мог быть этерист, начиная со степени «иерея») пустой лист бумаги с начертанным на нем крестом и должен был три раза произнести вслед за ним следующие слова так называемой «малой клятвы»:

«Клянусь, во имя правды и справедливости, перед высшим существом, что, жертвуя самой моей жизнью, снося самые жестокие пытки, буду держать в секрете, во

Афанасиос Цакалов

всем значении этого слова, тайну, в которую я буду посвящен, и обязуюсь давать правдивый ответ на все, о чем я могу быть спрошен»³.

Для подтверждения искренности данной им клятвы, вербуемый должен был поклясться еще на евангелии в присутствии священника. Вербовщик говорил при этом священнику (если тот не был этеристом), что хотел бы удостовериться, говорит ли тот человек, которого он к нему привел (т. е. вербуемый) правду в деле, которое касается только их двоих.

«Иерей» сообщал вновь принятому «побратиму» тайные условные знаки, с помощью которых он мог узнавать других «побратимов». Когда «побратим» желал устано-

³ Т. Βουρνας. Φιλική Ἑταιρία. Ἀθήναι, 1959, σ. 31. Дальнейшие сведения об организационной структуре «Филики Этерии» взяты оттуда.

вить, не принадлежит ли также другой человек к тайному обществу, он клал свою левую ладонь на правую и делал вид, что моет руки. Второй обязан был сразу же после этого вложить два пальца правой руки в пригоршню левой. После этого, первый, если он хотел говорить со вторым по вопросам, касающимся деятельности тайного общества, должен был тоже сначала вложить два пальца своей правой руки в левую пригоршню, а затем взять в свои руки обе руки своего товарища, спросив при этом: «Есть ли у тебя цибуки?»⁴ Другому следовало ответить так: «Цибуки? Нет! Но у меня есть царухи!»⁵ После этого два цатриота могли безбоязненно говорить о деятельности «Филики Этерии», не называя при этом имен известных им этеристов своей степени и не касаясь деятельности руководящего центра общества (ограничение это распространялось и на этеристов более высоких степеней).

Грамотные принимались в степень «рекомендованных». При этом повторялась процедура приема в «побратимы», однако вводились и некоторые новые моменты. Вступающий в «Филики Этерию» отвечал на 10 вопросов, касавшихся его занятий, личной жизни, планов на будущее. Если вербовщика удовлетворяли полученные ответы, он выдавал новому члену «Филики Этерии» следующее рекомендательное письмо, подписанное его условной подписью⁶: «Моего согражданина (имя, фамилия), уроженца (место рождения), по профессии (профессия), рекомендую всем моим друзьям как верного патриота и достойного человека».

У «рекомендованных» тоже была своя система условных знаков. Первый распрямлял пальцы обеих рук, прижимал их друг к другу и начинал «мыть». Тогда второй брался правой рукой за ухо, а затем прикладывал ее к зубам. Если первый желал что-то сказать, то он ударял пальцами своей правой руки по левой, сжатой в кулак. После этого оба этериста брались за руки и первый говорил:

⁴ Цибуки — чубук.

⁵ Царухи — вид легкой крестьянской обуви.

⁶ Каждый этерист, начиная с «иерея», имел свои условные инициалы. Инициалы основателей «Филики Этерии»: А. Цакалова, Н. Скуфаса и Э. Ксантоса были, соответственно: А. В., А. С. и А. Д.

«Я давно этого хотел». «И я также», — отвечал второй. Первый продолжал тогда: «Лямда!». «Альфа», — говорил второй. «Ни», — первый. «Таф», — второй. «Омикрон», — первый. «Ни», — второй. Произносимые в такой последовательности буквы греческого алфавита составляли условное слово «Ландон»⁷. Полностью убедившись, что они являются солдатами одной и той же тайной армии свободы, два этериста начинали говорить о том, что их интересовало.

Из «рекомендованных» вербовались «иереи» — важнейшее звено в структуре «Филики Этерии». «Иереям» принадлежало право приема в степени «побратимов» и «рекомендованных», так же как и в степень «иереев». Кандидаты в «иереи» отбирались самым тщательным образом. «Рекомендованный», который считался достойным кандидатом в «иереи», подвергался настоящему психологическому экзамену. Его настойчиво спрашивали, сможет ли он сохранить доверенную ему тайну, если враги его схватят и будут пытаться. Посвятитель говорил кандидату, что если он будет посвящен в тайную цель общества, то это будет не только опасно для его жизни, но наложит на него обязанность убить своего самого близкого родственника, если тот окажется предателем. При этом добавлялось, что если кандидат боится или не желает подвергнуться опасности, так как связан какими-нибудь другими обязательствами, то он может отказаться от вступления в «иереи». Если проверка подтверждала твердость и бесстрашие кандидата, его принимали в «иереи».

Процедура приема не только обеспечивала сохранение тайны, но и оказывала глубокое эмоциональное воздействие на посвящаемого. Посвятитель и посвящаемый вместе отправлялись ночью в какой-нибудь надежный дом. Весь обряд происходил при свете маленькой желтой свечи, которую приносил с собой посвящаемый. В полумраке мерно и торжественно звучал голос посвятителем:

«Если ты не чувствуешь себя достаточно сильным, то есть еще время передумать. От уз, которыми ты себя связываешь, может избавить только смерть. Вскоре всякое твоё колебание будет непростительным».

⁷ В новогреческом языке это слово не имеет какого-либо смыслового значения. Скорее всего, что это — заимствование из английского языка (London — Лондон).

«Я все обдумал и согласен», — отвечал вступающий в «иереи». Тогда посвяtitель брал зажженную свечу, давал ее в левую руку посвящаемому, говоря при этом: «Эта свеча является для нашей несчастной родины единственной свидетельницей того момента, когда дети ее дадут клятву ее освобождения». После этого он произносил текст «великой клятвы», которую вслед за ним повторял посвящаемый:

«Клянусь, что буду питать в моем сердце непримиримую ненависть к тиранам моей отчизны, а также к их приспешникам и единомышленникам. Обязуюсь всеми мерами действовать им во вред, добиваясь, если позволят обстоятельства, их полной гибели»⁸. В других пунктах «великой клятвы» шла речь об обязанностях «иереев»: они должны были хранить известные им секреты «Филики Этерии» и, в то же время, не выведывать то, что им было не положено знать, не вступать ни в какие другие общества, вербовать новых членов, проявляя при этом большую осмотрительность, оказывать уважение и послушание этеристам более высоких степеней, даже если бы это были их личные враги.

Непреклонная решимость отдать все силы для дела освобождения Греции, презрение и ненависть к отступникам звучали в заключительных словах «великой клятвы»:

«Клянусь тебе, священная и несчастная отчизна, клянусь твоим долголетним страданиям, клянусь горьким слезам, которые столько веков проливали твои несчастные дети! Клянусь моими собственными слезами, пролитыми в этот миг и будущей свободой моих соотечественников, что целиком отдаюсь тебе! Впредь твои желания будут причиной и целью моих помыслов! Имя твое будет руководителем моих поступков и счастье твое — наградой моих трудов! Пусть святое правосудие истощит на мне все свои молнии, пусть имя мое станет ненавистным, а образ мой предан проклятию моими соотечественниками, если я хоть на один миг забуду их несчастья и не исполню своего долга. И, наконец, пусть моя смерть будет неизбежной карой моего греха, чтобы не осквернить святость «Этерии» моим участием».

⁸ I. Φιλήμωνος. Δοχίμιον ιστορικόν περί τῆς Φιλικῆς Ἑταιρίας. Ἐν Ναυπλίου, 1834, σ. 155.

После этого свеча гасилась. Новичок уносил ее с собой и бережно хранил, как свидетельницу данной им клятвы. Следующие три дня новый «иерей» обучался своему «ремеслу». Он узнавал тайные условные знаки для опознавания «побратимов», «рекомендованных» и других «иереев».

«Иерей», желавший распознать, не является ли его собеседник также «иереем», поступал следующим образом. Он прижимал правую руку к левой стороне груди, возле сердца, а левую руку — к правой стороне. Второй в это время должен был скрестить руки на груди и тотчас убрать их. Если существовала надобность поговорить об этеристских делах, то один начинал чесать свою ладонь и после этого они брали друг друга за руки, так что пальцы одного находились на пульсе другого. И следовал условный диалог: «Сколько имеешь? Столько и ты имеешь! Сколько? Шестнадцать этеристов! Что-нибудь еще? Нет! Говори первый, я буду говорить вторым!» Далее оба последовательно произносили названия букв, составляющих условное слово «Хакики».

В процессе «обучения» «иерей» должен был выучить наизусть специальный алфавит, на котором этеристы вели свою деловую переписку. Он состоял из 22 знаков: поставленных вперемежку букв греческого алфавита и арабских цифр. Каждый знак обозначал какую-нибудь букву греческого алфавита (например, число «8» — букву «О», а буква «Δ» — букву «Х»). Существовали еще и условные обозначения для наиболее употребительных имен и терминов. Так, большое судно называлось «слоном», султан — «безучастным», император Александр — «филантропом», австрийский император Франц — «упрямцем», И. Каподистрия — «благодетелем» или «архимандритом», турки — «чужеземцами», греки — «энтузиастами», албанцы — «сородичами».

Дни «обучения» использовались обществом и для дальнейшего более углубленного изучения качеств и данных нового «иерея». Ему приходилось отвечать на следующие 6 вопросов: 1) Подвергался ли он или кто-либо из его родственников или друзей преследованию со стороны турецких властей или кого-либо другого и по какой причине? 2) Находится ли кто-либо из его друзей и родственников в тюрьме и по какой причине? 3) Не был ли убит какой-нибудь его родственник или друг властями или кем-нибудь другим и из-за чего? 4) Случалось ли что-нибудь значи-

тельное в его жизни? 5) Известен ли ему какой-нибудь важный политический секрет, какое-нибудь неизвестное изобретение, или какая-нибудь другая большая тайна? Как он ее узнал? Знают ли о ней другие? Кто они? Есть ли у него необходимые доказательства? И что это за тайна? 6) Имеет ли он какое-нибудь значительное достоинство, тайное или явное, и не обладает ли каким-нибудь исключительным умением?

Пункты четвертый и пятый вопросника свидетельствуют о том, что «Филики Этерия», готовясь к тяжелой и неравной борьбе, стремилась использовать все знания и способности своих членов. Вновь принятый должен был также внести на нужды общества денежную сумму в соответствии со своими возможностями. К деньгам прилагалось письмо, содержащее сведения о его возрасте, местожительстве, месте приема в «иереи». В письме, направленном на имя какого-либо лица, жившего в отдаленном городе, шла речь о том, что отправитель предназначает деньги на недавно основанную школу, монастырь, на покупку и издание книг или иные благотворительные цели. Вот что говорилось, например, в одном из таких писем:

«Уважаемому господину Мантосу Ризарису. В Москву. 19 декабря 1818 г. Мне 45 лет, скитаясь по разным местам, я в конце-концов обосновался в Яссах, молдавском городе, и занялся ремеслом торговца. Несмотря на то, что я покинул Загору⁹ много лет тому назад, дружба юных лет постоянно хранится в моем сердце. Беру на себя смелость через посредство моего друга господина Анагности Папагеоргиу послать Вам ровно 200 голландских флоринов, которые прошу употребить для школы, как я хочу об этом написать позже и охотно был бы Вам полезен, что является моим желанием. К вашим услугам. Анастасиос Коньярис из Загоры»¹⁰.

На самом деле письмо это предназначалось не для московского купца, а для руководящего комитета «Филики Этерии». На условном этеристском языке такие письма назывались «посвятительными». В углу письма посвятитель ставил свой условный инициал, а также инициал, который получал новый «иерей». Благодаря своей форме, такое

⁹ Загора — местность Эпира.

¹⁰ Т. Βουρᾶς. Φιλική Ἑταιρία, σ. 37.

письмо, если бы оно даже случайно попало в чужие руки, не могло принести вреда «Филики Этерии».

Новому «иерею» выдавался на руки диплом или, как он назывался условно: «письмо превосходства». Диплом был написан шифром, с помощью этеристского алфавита. Приводимый ниже диплом принадлежал Георгиосу Аргиропуло, секретарю валашского господаря. В нем говорилось: «Во имя будущего спасения. Посвящаю иереем этеристов и предаю его любви «Филики Этерии» и покровительству великих жрецов Элевсина¹¹ соотечественника Георгиоса Эммануила Аргиропуло, 35 лет, по профессии — политического деятеля, уроженца Константинополя, пламенного поборника счастья родины. Он был посвящен мною и в моем присутствии дал клятву. ZW¹². В Бухаресте, год [18] 18 этеристов, 27 сентября»¹³.

Получив такой диплом, вновь посвященный становился полноправным «иереем» и мог приступить к вербовке новых членов. Следующие после «иерея» степени давались непосредственно руководящим комитетом «Филики Этерии» за особые заслуги и способности и были мало распространены.

Для основателей «Филики Этерии» не прошел даром трагический урок Ригаса Велестинлиса. Чтобы тайны и документы революционного общества не попали в руки ненадежных лиц, этеристы предусмотрели некоторые меры. Производилась, например, систематическая проверка «рекомендованных». Как уже говорилось, «рекомендованному» при приеме выдавалось рекомендательное письмо. На обороте письма выдавший его «иерей» писал шифром имя матери «рекомендованного», которое он узнал косвенным путем, так что сам «рекомендованный» не знал об этом. «Иереи» имели право, показывая издали свои дипломы, требовать у «рекомендованных» эти письма. Получив письма и прочитав шифр, «иереи» осторожно выводывал у «рекомендованного» имя его матери. Если оно не совпадало с написанным на обороте «письма», то это означало,

¹¹ Великие жрецы Элевсина (в древней Греции руководители элевсинской мистерии) — одно из условных названий руководящего комитета «Филики Этерии».

¹² Инициалы эти принадлежали видному этеристу Константину Пендедеке.

¹³ N. C a m a r i a n o. Despre organizarea și activitatea Eteriei în Rusia înainte de răscola din 1821.— «Studii și materiale de istorie modernă», 1960, v. II, p. 87.

что письмо попало в чужие руки. «Иерей» немедленно должен был сообщить об этом руководящему комитету для принятия решительных мер с целью сохранения тайны общества. В истории «Филики Этерии» известны случаи, когда изменников карали смертью.

Конспирация пронизывала «Филики Этерию» снизу доверху. Низшие степени — «побратимы» и «рекомендованные» — очень мало знали и о структуре организации, и о ее целях. Им не было даже известно название общества, в которое они входили. Они знали только, что оно заботится об общем благе нации и что туда входят «большие люди». Эта молва намеренно распространялась руководителями «Филики Этерии»: она облегчала вербовку новых членов. «Побратимы» и «посвященные» могли знать только этеристов, принадлежавших к той же степени, что и они, и «иерея», принявшего их в «Филики Этерию».

«Иерей» несколько лучше был информирован о целях «Филики Этерии» — они знали, что это революционная организация, созданная с целью освобождения Греции от иноземного рабства. Однако и они слабо представляли ее реальные силы и возможности. «Иерей» не имел права сноситься с руководством общества непосредственно, а только через лицо, принявшее его в организацию.

Непроницаемая завеса тайны прикрывала деятельность руководящего центра «Филики Этерии». Никто не знал ни его состава, ни местонахождения. На инструкциях, исходивших от руководства «Филики Этерии», не было ни подписи, ни места отправления, а только условный инициал того «иерея» или «пастыря», для которого инструкция предназначалась. Все члены «Филики Этерии» обязаны были беспрекословно выполнять приказания этой «Незримой высшей власти», как сами этеристы называли свое руководство. Считалось, что тот, кто попытается раскрыть ее секрет, рискует жизнью.

Эта особая завеса молчания и тайны вокруг руководства общества давала повод для различных толков и предположений. Многие были уверены в том, что «Незримая высшая власть» — это И. Каподистрия или даже сам царь Александр. В действительности же, ни царь, ни И. Каподистрия не имели никакого отношения к основанию «Филики Этерии». Но и тот, и другой в 1817 г. узнали о существовании «Филики Этерии» при весьма опасных для нее обстоятельствах.

Невидимки за работой

В 1814—1816 гг. вербовка в «Филики Этерию» шла слабо. Число завербованных исчислялось единицами. В основном это были греки-купцы, жившие в России. Среди завербованных Н. Скуфасом оказался некто Н. Галатис, прибывший в Одессу с Итаки (Ионические острова). Человек с авантюристическими наклонностями, Галатис, желая придать себе больший вес, называл себя «родственником» И. Каподистрии и «графом греческой нации». Скуфас, поверив Галатису, поручил ему добиться поддержки его высокого «родственника» для «Филики Этерии». Каподистрия, которому Галатис написал, что он должен сделать ему важное заявление, пригласил своего земляка приехать в Петербург.

Имя Иоанна Каподистрии (в России его называли Иваном Антоновичем) уже несколько раз упоминалось в этой работе. Настало время более подробно рассказать об этом, несомненно выдающемся человеке, чья судьба неразрывно связана с историей двух стран: Греции и России.

Граф Иоанн Каподистрия родился на Корфу в 1776 г. в дворянской семье. Имена его предков уже в XV в. фигурировали в «Золотой книге», куда заносились наиболее родовитые семьи Ионических островов. Получив образование в Падуанском университете (Италия), где он изучал медицину и одновременно слушал курс словесных наук, Иоанн в 1799 г. возвратился на родину и занял должность главного врача турецкого военного госпиталя на Корфу. Образование в 1800 г. Республики Семи Соединенных островов открыло путь Каподистрии к политической карьере. В качестве государственного секретаря Республики он немало сделал для процветания своего отечества. Тог-

да же Каподистрия свел знакомство со многими клефтами и арматолами континентальной Греции и участвовал в историческом клефтском празднестве на Св. Мавре.

Тильзитский мир снова отдал Ионические острова во власть Франции. Республика Семи Соединенных островов прекратила свое существование. И. Каподистрия несколько раз получал от главнокомандующего французскими войсками на островах генерала Бертье предложения поступить на французскую службу. Однако все они были отклонены. К этому времени окончательно определились политические симпатии Каподистрии. Весьма далекий от того, чтобы быть «слугой русского самодержавия», как утверждали его враги, Каподистрия вполне сознательно пришел к убеждению: только опираясь на Россию можно изменить к лучшему участь его родины — Ионических островов и Греции в целом. Поэтому, когда государственный канцлер граф Н. П. Румянцев предложил Каподистрии поступить на службу в русское министерство иностранных дел, тот охотно принял предложение. В январе 1809 г. Каподистрия прибыл в Петербург и был зачислен на службу в чине статского советника с годовым окладом в 3 тыс. рублей.

Находясь более двух лет в Петербурге, а затем при русской миссии в Вене, Каподистрия написал серию записок о положении на Балканах и способах использования сил балканских народов в затянувшейся войне с Турцией и в надвигавшемся единоборстве России с Наполеоном. Материалом для этих записок послужили личные наблюдения Каподистрия и опыт его политической деятельности на Ионических островах, а также усиленное чтение и беседы с наиболее образованными соотечественниками. Эти записки обратили на себя внимание царя. Именно им Каподистрия был обязан назначением летом 1812 г. на важный пост управляющего дипломатической канцелярией Дунайской армии.

Однако Каподистрии не пришлось заниматься реализацией своих балканских проектов. После вторжения Наполеона в Россию Дунайская армия получила приказ двинуться на север на соединение с главными силами русской армии. Вместе с русскими войсками Каподистрия проделал тысячеверстный путь от Дуная до Березины. В холодные ноябрьские дни 1812 г. он стал свидетелем бегства через Березину жалких остатков «великой армии».

В заграничном походе 1813 г. Каподистрия ведал дипломатической канцелярией главнокомандующего русской армией генерала Барклая-де-Толли. На этом посту отлично проявились выдающиеся дипломатические способности этого человека, давшие впоследствии основание биографам Каподистрии назвать его европейским дипломатом № 2 (дипломатом № 1 считался Талейран). В частности, он блестяще выполнил данное ему поручение: подорвать влияние Наполеона в Швейцарии.

Когда Каподистрия находился еще в Швейцарии, царь, в беседе с одной придворной дамой, сказал: «Он там не останется; у нас будет много дела в Вене; у меня же нет человека довольно сильного для борьбы с Меттернихом. Я думаю приблизить к себе графа Каподистрию»¹. Здесь напрашивается вопрос: по какой линии царь собирался бороться с австрийским канцлером? Во всяком случае не по идеологической. Русский самодержец был столь же законченным реакционером и врагом революции, как и австрийский канцлер. Однако между империями Габсбургов и Романовых существовало серьезное политическое соперничество, поскольку обе они после разгрома Наполеона претендовали на главенствующую роль в европейской политике.

В октябре 1814 г. Каподистрия был вызван в Вену и назначен одним из уполномоченных России на Венском конгрессе. В сложной дипломатической борьбе, развернувшейся на Венском конгрессе в стане победителей Наполеона, Каподистрия проявил большое дипломатическое искусство и сорвал многие антирусские замыслы Меттерниха, чем заслужил смертельную ненависть австрийского канцлера.

В январе 1816 г., после четырех лет, проведенных на полях грандиозных военных и дипломатических баталий, Каподистрия вернулся в Петербург. Здесь его уже ожидала новая квартира в здании министерства иностранных дел на Дворцовой площади: за несколько месяцев до этого царь подписал указ о назначении И. Каподистрии статс-секретарем по иностранным делам. Вместе с другим статс-секретарем К. В. Нессельроде он стал управлять иностранными делами России. В ведении Каподистрии были отношения России с Востоком и Балканами.

¹ «Из записок графини Эделинг». — «Русский архив», 1887 кн. 3, стр. 301.

На всех этапах своей ошеломляющей карьеры: и как скромный сверхштатный секретарь дипломатической миссии в Вене, и как влиятельный министр, руководитель дипломатического ведомства России, Каподистрия был греческим патриотом. Свое положение и влияние на Александра I он постоянно использовал для того, чтобы ходатайствовать за своих соотечественников, как жителей самой Греции, так и греческих переселенцев в России. Недаром царь говорил, что в лице Каподистрии греки имели при нем «своего поверенного». В тех дипломатических переговорах, в которых ему довелось участвовать, Каподистрия никогда не упускал случая отстоять интересы Греции. Ему удалось, в частности, добиться включения в акты Венского конгресса признания независимости Ионических островов. Каподистрия также помешал Меттерниху внести в заключительный акт конгресса гарантию целостности султанских владений.

Надо заметить, что в борьбе с Меттернихом Каподистрия не был слепым орудием царской воли. Как грек, он не мог остаться равнодушным, когда австрийский канцлер объявлял «несуществующими» все народы, включая и греческий, которые не имели политической самостоятельности.

Особо следует отметить большие заслуги Иоанна Каподистрии в деле распространения образования в Греции.

В сентябре 1813 г. в Афинах было основано общество «Филомузос Этерия» («Общество любителей муз»), председателем которого избрали известного английского филолога Фредерика Норта. Общество ставило своей задачей распространение просвещения в Греции, издание классических произведений, поиски различных древностей. В противовес этому обществу, находившемуся под влиянием англичан, Каподистрия предложил царю создать другое подобное общество. Царь согласился и обязался вносить ежегодно в казну общества 200 голландских дукатов. Происходило это во время Венского конгресса. Монархи и министры, имевшие дела с Каподистрией, спешили записаться в число «любителей муз», брали на себя обязательство вносить ежегодно определенную сумму и получали золотой перстень с изображением совы Минервы и Кентавра — эмблему общества. На этом их участие в распространении просвещения в Греции, как правило, заканчивалось: по возвращении из Вены они больше не

вспоминали о своей принадлежности к «Обществу любителей муз».

Если европейская аристократия быстро охладела к «Филомузос Этерии», то австрийская полиция столь живо стала «интересоваться» деятельностью общества, что пришлось перенести его центр в Мюнхен. Несмотря на противодействие австрийской полиции, Каподистрия энергично, но без особой огласки, продолжал заниматься сбором средств на просвещение в Греции. Сам он потратил сотни тысяч рублей из своего министерского жалования на содержание молодых греков, обучавшихся в Германии, Италии и Швейцарии.

Современники часто путали «Филомузос Этерию» с «Филики Этерией». На деле это были совершенно разные организации. Каподистрия, как и Кораис, придавал огромное значение распространению просвещения в Греции. Правда, он не разделял наивного взгляда своего знаменитого соотечественника по поводу того, что стоит грекам стать образованными, как цепи турецкого рабства падут сами собой. Каподистрия был убежден, что Греция получит свободу в результате русско-турецкой войны, и он делал все от него зависящее, чтобы побудить царя занять более решительную позицию по отношению к султану. Революционные же методы борьбы Каподистрия решительно отвергал.

Нетрудно понять реакцию человека таких взглядов и такого положения, как Каподистрия, когда явившийся к нему в начале 1817 г. совершенно неизвестный ему Н. Галатис, одетый в красный мундир ионической милиции, схожий с английским, рассказал о существовании тайного революционного общества, имеющего цель — освобождение Греции, и предложил ему стать его главой. Каподистрия прервал Галатиса словами: «Чтобы помышлять о таком предприятии, милостивый государь, надо быть сумасшедшим; осмелиться же говорить мне о нем в этом доме, где я имею честь служить великому и могущественному государю, может только молодой человек, едва вышедший из утесов Итаки и увлеченный, не знаю какими слепыми страстями»². Он предложил Галатису немедленно покинуть Петербург.

² «Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности». — «Сборник русского исторического общества». СПб., 1868, т. III, стр. 216 (в дальнейшем «Записка графа Иоанна Каподистрия...»).

Иоанн Каподистрия

Царь, которому Каподистрия сообщил о своей беседе с Галатисом, не разделял, однако, мнения своего министра о необходимости скорейшей высылки Галатиса. Он хотел воспользоваться Галатисом для получения более полной информации о греческом тайном обществе.

Между тем, Галатис вел себя в Петербурге крайне неосмотрительно и безрассудно. Он всем рассказывал о «Филики Этерии». Царь отдал приказ полиции арестовать его. Найденные при аресте Галатиса бумаги и его показания подтвердили существование тайного революционного общества греков. Над «Филики Этерией» нависла серьезная опасность. Об аресте Галатиса, который был британским подданным, вскоре мог узнать британский посол в Петербурге Каткарт. Английская дипломатия, ярый враг греческого освободительного движения, поспешила бы из-

вестить о замыслах греков Порту и на революционеров обрушились бы свирепые репрессии.

Каподистрия, хотя и не разделял революционных взглядов этеристов, принял все меры, чтобы отвести от них опасность. Он использовал свое большое влияние на царя и убедил его не давать эпизоду с Галатисом какой-либо огласки. Самого же Галатиса решили незамедлительно выслать в Бухарест, под надзор русского генерального консула Пини, с тем, чтобы при первом удобном случае отправить его на родину. «Филики Этерия» могла беспрепятственно продолжать свою деятельность.

В марте 1818 г. центр «Филики Этерии» был перенесен в Константинополь, поближе к Греции. Здесь, в самом логове султанского деспотизма греческие революционеры развернули бурную деятельность. Душой этеристского центра в Константинополе являлся Николаос Скуфас. Он был малообразован. Однако люди, близко знавшие Скуфаса, отзывались о нем, как о человеке большой житейской мудрости. Посвятив все свои силы борьбе против турецкого ига, он не питал вражды к турецкому народу. Он ненавидел лишь султана и всех тех, кто угнетал греческий народ. Скуфас был тяжело болен. Но до самой своей кончины (12 августа 1818 г.) он сохранял бодрость и оптимизм, отдавая последние силы своему детищу — «Филики Этерии». По инициативе Скуфаса было создано новое звено в структуре «Филики Этерии» — «апостолы». Каждый «апостол» должен был руководить вербовкой в «Филики Этерию» в каком-то определенном районе Греции.

«Апостолом» для Ионических и Эгейских островов назначили известного клефты Анагностараса, одно время служившего в чине майора в «легионах легких стрелков» на Ионических островах; «апостолом» для Македонии и Фракии — Иоанниса Фармакиса, хорошо знавшего клефтов Олимпа и Парнаса. Богатый купец Асимакис Крокидас выполнял функции «апостола» для Эпира, Андониос Пелопидас — для Пелопоннеса в целом, клефты Хрисоспатис — для Мани и Мессении. Кроме того, был назначен специальный «апостол» (Кириякос Камаринос), которому поручили завербовать в «Филики Этерию» вождя горцев Мани Петро-боя Мавромихалиса.

Участие маниотов в национально-освободительной борьбе было особенно важно. Эта область Южного Пелопоннеса, как уже говорилось, была фактически не под-

властна Турции. «Филики Этерия» могла получить здесь базу для действий в остальной Греции. Помимо того, в случае начала восстания, Мани сразу бы выставила несколько тысяч воинов. Как известно, маниоты славилась своей храбростью. Горы Тайгета — гнездо маниотов — представляли собой естественный оборонительный вал, который мог надолго задержать турецкую армию. Учитывая это, руководители «Филики Этерии» и выделили специального «апостола» для вербовки вождя маниотов. В 1819 г. Мавромихалис стал этеристом.

Вообще «апостолическая система» способствовала расширению деятельности «Филики Этерии» в самой Греции, где до 1818 г. даже не знали о ее существовании. Среди завербованных оказались богатые купцы, судовладельцы Архипелажских островов, священники, учителя, капитаны клефтов и арматолов, в том числе известный всей Греции Теодорос Колокотронис.

Вступление в «Филики Этерию» предводителей вооруженных отрядов являлось фактом первостепенной важности. Буржуазное национальное движение и вооруженная борьба крестьянства вошли в прямой контакт. Национально-освободительная борьба в Греции приобрела массовый характер. Созданию базы способствовало и широкое распространение этеристской организации среди низших слоев населения. В ряды этеристов вступали пастухи, дровосеки, трактирщики. Нередко крестьяне вступали целыми семьями и деревнями.

Этеристами стали и греки, служившие в русских консульствах в Леванте: генеральный консул в Морее И. Вла-сопуло, консул в Смирне С. Дестунис, консул на Хиосе Н. Милонас, переводчик русского консульства в Бухаресте Г. Левендис и др. Консулы-этеристы оказывали ценные практические услуги своей организации. Кроме того, участие в деятельности «Филики Этерии» русских консулов еще более укрепляло ее авторитет и убежденность греческого населения в том, что за спиной тайной революционной организации стоит русское правительство.

«Филики Этерия» принимала в свои ряды не только греков. Следуя заветам Ригаса Велестинлиса, она стремилась объединить в общей борьбе все силы поработенных балканских народов. В Дунайских княжествах в «Филики Этерию» вступили некоторые из румынских бояр. Специальный «апостол» был назначен для Болгарии. Им стал

русский офицер греческого происхождения Дмитрий Ватикиотти. Болгары знали его хорошо. В период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Ватикиотти командовал болгарскими добровольческими отрядами, действовавшими на Дунае вместе с русскими, а с 1816 г. являлся попечителем болгарских переселенцев в Бессарабии. Ватикиотти удалось завербовать в «Филики Этерию» вождей отрядов болгар общей численностью в 14 тыс. человек.

Особое внимание этеристы уделяли установлению связей с сербским освободительным движением. Еще в 1804 г. сербский народ, первым на Балканах, поднялся на всеобщее освободительное восстание. Оно произвело громадное впечатление и на греков, увидевших в нем пример для подражания. Не раз, когда сербам приходилось туго, к ним на выручку прибывали отряды греческих клефтов и арматолов.

Долголетняя борьба сербов знала и успехи и поражения. В 1813 г. туркам удалось разбить силы повстанцев и снова временно оккупировать Сербию. Руководитель сербских повстанцев Кара-Георгий бежал за границу и нашел убежище в Бессарабии. Здесь он встретил старого знакомого этериста Георгаки Олимпиоса, который в свое время с отрядом клефтов Олимпа сражался в рядах сербских повстанцев. Через него «Филики Этерия» начала переговоры с сербским вождем.

В мае 1817 г. в Молдавии, недалеко от Ясс, в имении князей Ипсиланти, произошла встреча между эмиссарами «Филики Этерии» Г. Олимпиосом, Г. Левендисом, Н. Галатисом и Кара-Георгием. Вождь сербских повстанцев вместе с его секретарем были приняты в «Филики Этерию». В ходе последовавших затем переговоров было достигнуто соглашение о том, что Кара-Георгий вернется в Сербию и возьмет здесь в свои руки власть, а затем сербы и греки одновременно восстанут против турецкого владычества.

С помощью «Филики Этерии» Кара-Георгий получил возможность вернуться в Сербию. Этерист Михаил Леонардос получил от австрийского консула в Яссах паспорт, в котором указывалось, что он отправляется на минеральные воды Мехадии (Банат), возле сербской границы, вместе с тремя слугами. «Слугами» этими были Олимпиос, Кара-Георгий и его секретарь Наум. На путевые издержки и на расходы на первое время в Сербии Левен-

дис дал Кара-Георгию 4500 голландских флоринов. Поскольку сербский вождь выделялся своим гигантским ростом и мог привлечь к себе внимание, он притворился больным и ехал в закрытой карете.

Кара-Георгий вместе со своими спутниками благополучно проехал всю Буковину и Трансильванию, добрался до Баната и на лодке переправился на сербский берег Дуная. Однако в июне 1817 г., вскоре после возвращения в Сербию, он был убит по приказу своего соперника Милоша Обреновича.

В 1818 г. в зону деятельности этеристов, помимо Греции и других районов Балкан, вошли также Египет, Италия, Австрия и все страны, где жили греки. В приводимом греческим историком И. Филимоносом списке членов «Филики Этерии» указывается и место вербовки каждого этериста. Перечень встречающихся здесь географических названий весьма обширен. Среди них часто попадаются названия русских городов.

В 1818—1820 гг. активность этеристов в России значительно возросла. Вербовка в «Филики Этерию», помимо Москвы и Одессы, развернулась в Петербурге, Киеве, Нежине, Николаеве, Кишиневе, Измаиле, Херсоне, Севастополе, Таганроге. Центром патриотической деятельности греков южной России по-прежнему оставалась их колыбель — Одесса.

В 1819 г. здесь была основана греческая типография. Несколько ранее в Одессе был открыт греческий любительский театр, ставший для этеристов удобной формой пропаганды революционных идей. В театре игрались патриотические пьесы. Их сочинителем, режиссером и исполнителем главных ролей был видный одесский этерист Геннадияс Лассанис. Все другие артисты театра также состояли в обществе этеристов.

С огромным успехом шла пьеса Лассаниса «Эллада и чужестранец». Эллада с гордостью рассказывала встретившемуся ей иностранному путешественнику о своих детях, которые делают все для того, чтобы облегчить страдания матери. «Они борются за то, чтобы возродить меня к жизни, обрядить меня снова в мой, блестящий знаменитый убор»³. Роль Эллады в этой пьесе, так же как

³ Г. Корδάτος. 'Ιστορία τῆς νεώτερης 'Ελλάδας. Ἀθήνα, 1957, т. 2, с. 52.

и другие женские роли, исполняла на новогреческом языке актриса русского театра Марасевская. Звучавшие со сцены патриотические речи зрители слушали с напряженным вниманием и сопровождали бурными аплодисментами.

В Одессе в это время проживало много греческой учащейся молодежи. Помимо существовавших уже различных частных греческих школ, в 1817 г. в городе было основано коммерческое училище, содержавшееся местной греческой общиной. Театр дал греческому юношеству хороший патриотический заряд. Недаром многие из его зрителей и артистов позднее вступили в армию А. Ипсиланти, став костяком ее отборной части — «Священной роты».

Патриотическая деятельность одесских этеристов встречала благожелательное отношение местных властей. Они предоставили в распоряжение греческой труппы помещение городского театра. 27 февраля 1819 г. на спектакле «Эллада и чужестранец» присутствовал одесский губернатор А. Ф. Ланжерон. Пьеса ему понравилась. После окончания спектакля он поздравил ее автора Ласаниса с «художественным и поэтическим сочинением и удачным его исполнением»⁴.

К 1820 г. «Филики Этерия» превратилась в широко разветвленную организацию, охватившую все слои греческого общества. «Побратимы», «рекомендованные», «иереи» встречались и с помощью условных знаков узнавали друг друга в больших европейских столицах и маленьких местечках, в деревнях и городах Мореи, Фессалии, Эпира и на островах Эгейского моря, на кручах Пинда и на берегах Босфора. Среди этеристов оказались и богатые кодзabasы и влиятельные фанариоты и прелаты церкви. Эти группы, принадлежавшие к верхушке греческого общества, враждебно относились к самой идее вооруженного антитурецкого восстания. Лишь убежденность в том, что «Филики Этерия» создана русским правительством, что во главе ее стоит сам И. Каподистрия, побудила многих представителей греческой знати примкнуть к ней.

⁴ N. C a m a r i a n o. Despre organizarea și activitatea Eteriei în Rusia înainte de răsccoală din 1821.— «Studii și materiale de istorie modernă», 1960, v. II, p. 99.

Они весьма настойчиво пытались проникнуть в тайну «Незримой высшей власти». Так, по поручению вождя макиотов Петро-бея Мавромихалиса в начале 1820 г. прибыл в Петербург его поверенный К. Камаринос для того, чтобы выяснить действительно ли И. Каподистрия является главой «Филики Этерии».

Мы уже знаем, что таинственная «Незримая высшая власть», руководившая «Филики Этерией» — это не царь и не Каподистрия. В начале 1820 г. ее осуществляли основатели «Филики Этерии»: Афанасиос Цакалов и Эммануил Ксантос, а также богатый константинопольский купец Панайотис Секерис, московские купцы Андонис Комизопулос и Николаос Падзимадис, купеческий приказчик Панайотис Анагностопулос, переводчик русского консульства в Бухаресте Георгиос Левендис, ученый и просветитель Анфимис Газис, фанариот Георгиос Манос и архимандрит Григориос Дикеос. У руководящего органа «Филики Этерии» имелись все основания держать в величайшей тайне свой состав. Из всех его членов только Анфимис Газис был в какой-то мере известен в Греции. Если бы стало известно, что руководит организацией не царский министр, а комитет, состоящий в большинстве из безвестных купцов, то это могло бы вызвать серьезный кризис «Филики Этерии», который поставил бы под угрозу само ее существование. Кроме того, приближение момента восстания требовало сосредоточения всей власти в руках единоличного руководителя. Руководители «Филики Этерии» решили еще раз попытаться убедить Каподистирию встать во главе тайного общества.

В январе 1820 г. Э. Ксантос, которому были поручены переговоры с Каподистрией, прибыл в Петербург. Излагая цели своей поездки, он писал Каподистрии: «Невозможно, господин граф, чтобы греки и впредь оставались в угнетении. Революция является неизбежной; поскольку для нее нужен вождь, вы, как грек и человек, уважаемый ими и многими другими, не можете оставаться в стороне»⁵.

Предложение Ксантоса поставило Каподистирию в довольно затруднительное положение. Принципиально его взгляды на пути освобождения Греции к этому времени

⁵ I. Φιλίμωνος. Δοκίμιον περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως, т. I, с. 30.

не изменились. Он, по-прежнему, отвергал революционные методы в борьбе с турецким султаном, все свои надежды возлагая на дипломатические и военные акции России. Однако уверенность Каподистрии в том, что ему удастся побудить Александра I стать «освободителем» Греции сильно поколебалась. Царь, боясь революции, все больше подчинял политику России целям оплота европейской реакции — Священного союза.

Каподистрия считал, что Священный союз ничего, кроме вреда, России не приносит и по мере своих сил противодействовал политике австрийского канцлера. Меттерних как-то, в минуту откровенности, признался: «Если бы я мог делать из Каподистрии, что захочу, то все пошло бы скоро и хорошо. Император Александр становится препятствием лишь благодаря своему министру, без последнего, все ныне было бы уже улажено»⁶. Чтобы подорвать у царя доверие к Каподистрии, австрийский канцлер не останавливался ни перед какими интригами и клеветой. Играя на слабостях царя, он внушал ему, что Каподистрия является сторонником карбонариев и что нужно избавить русский кабинет от его «революционного» влияния. Происки Меттерниха не были безрезультатными.

Было еще одно обстоятельство, наводившее Каподистрию на серьезные размышления. После 1817 г. он внимательно следил за деятельностью «Филики Этерии». Секретом для него не являлся и тот факт, что этеристы использовали его имя в своих целях. Последнее вызывало у него неудовольствие и раздражение. По указанию царя Каподистрия постоянно внушал грекам и письменно и устно о необходимости сохранять терпение и спокойствие, но эти внушения не производили на них особого впечатления. «Филики Этерия» завладела умами и воображением всех греческих патриотов. В нее вступили некоторые близкие Каподистрии люди, например, его брат Виаро; с ней греческий народ связывал все свои надежды на избавление и лучшее будущее.

В этом Каподистрия смог еще раз убедиться, когда в апреле 1819 г. прибыл на Корфу, для встречи со своими родными, которых он не видел целых 10 лет. Узнав о приезде Каподистрии на Корфу, туда съехались влиятельные

⁶ «Русский биографический словарь», т. 1. СПб., 1896, стр. 365.

люди из разных концов Греции. Приехал и старый знакомый Каподистрии Теодорос Колокотронис.

Настроение у всех было возбужденное. Турецкий гнет становился все более невыносимым. Раньше, пока существовала Республика Семи Соединенных островов, жители континентальной Греции всегда могли укрыться на Ионических островах от преследований турецких властей. После 1814 г., когда Ионические острова перешли под власть англичан, греки лишились и этой возможности. Жители Ионических островов жаловались на деспотическое правление британского губернатора Томаса Мейтленда, установившего жестокий колониальный режим.

Съехавшиеся на Корфу представители греков спрашивали Каподистрию, что сделает Россия для облегчения их участи. Он же не мог сообщить своим соотечественникам ничего утешительного. Перед отъездом на Корфу Каподистрия виделся с царем. Тот еще раз весьма определенно заявил, что он не собирается воевать с Турцией и что «поэтому надобно вещи оставить в теперешнем их положении». Царь говорил также Каподистрии, чтобы он старался успокоить свою родину и вразумить своих соотечественников. В этом духе Каподистрия и разговаривал с греками. Он советовал им вооружиться терпением и покориться своей участи, позаботившись пока о хорошем национальном воспитании своих детей. Все прочее Каподистрия предоставлял времени и «провидению».

Однако собеседники Каподистрии не склонны были ждать, пока «провидение» или царь займется греческим вопросом. Они видели другой, более реальный путь к свободе и лучшему будущему — вооруженное восстание. У греков нет другого выхода, заявили они Каподистрии: «Сильные сего мира поставили нас в самое отчаянное положение... И если мы не в силах будем избавиться от турок, мы, по крайней мере, умрем, не посрамив наших отцов. Вы говорите нам о будущем, о воспитании наших детей, а у нас нет хлеба насущного»⁷.

Несомненно на Каподистрию произвело особое впечатление и то, что речи, проникнутые этеристским духом, он слышал от людей, хорошо ему известных, которых он уважал. Со всем этим Каподистрия не мог, в определенной

⁷ «Записка графа Иоанна Каподистрии...», стр. 241.

мере не считаться. И переговоры его с Э. Ксантосом в 1820 г., если не по существу, то по форме, отличались от переговоров с Н. Галатисом три года назад.

Посланец «Филики Этерии» встречался с Каподистрией несколько раз. В ходе этих бесед, как позднее писал Ксантос в своих мемуарах, он раскрыл перед Каподистрией всю систему «Филики Этерии», назвал имена ее руководителей, рассказал о ее повсеместном распространении и росте числа ее членов. Потом он предложил Каподистрии возглавить это национальное движение, взяв в свои руки непосредственное руководство, или разработав наиболее подходящий план подготовки восстания. Каподистрия отклонил предложения Ксантоса, ответив, что как министр царя, он не может сделать ни того, ни другого. На прощание он, по словам Ксантоса, сказал, что «руководители „Этерии“ могут, если им удастся, использовать другие средства и пусть им поможет бог в осуществлении их целей»⁸.

Этот, хотя и данный в благожелательной форме, отказ заставил Ксантоса обратиться с предложением возглавить «Филики Этерию» к другому греку, также жившему в Петербурге и занимавшему высокое положение при царском дворе, — Александру Ипсиланти.

⁸ I. Φιλίμωνος. Δοκίμιον περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως, т. I, с. 30.

Александр Ипсиланти

Корни греческого княжеского рода Ипсиланти уходили во времена византийских императоров. Дед и отец Александра Ипсиланти — Александр и Константин Ипсиланти, как и другие видные фанариоты, служили султану, занимая должности великих драгоманов Порты и господарей Дунайских княжеств. Финал их карьеры был довольно обычным для тех, кто жил под гнетом азиатского деспотизма султанов: Александра Ипсиланти в возрасте 80 лет обезглавили, а его сын, смещенный в 1806 г. с поста валашского господаря, бежал, спасая свою жизнь, в Россию.

К опальному валашскому господарю, поселившемуся с семьей в Киеве, русское правительство отнеслось весьма милостиво. Ему назначили ежегодную пенсию в размере 20 тыс. рублей. Его старший сын — Александр в 1808 г. в возрасте 16 лет был определен корнетом в самый привилегированный из полков императорской гвардии — Кавалергардский. В 1813 г., уже в чине подполковника, его перевели в Гродненский гусарский полк.

Вскоре его производят в полковники. В 1816 г. он флигель-адъютант, а в 1817 г., в возрасте 25 лет, генерал-майор.

Участвуя в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе русской армии, молодой греческий князь проявил большую храбрость. В сражении при Дрездене (август 1813 г.) у него оторвало ядром правую руку.

Таковы вкратце биографические сведения об Александре Ипсиланти.

Александр Ипсиланти получил только домашнее образование; в его формулярном списке было отмечено, что он «по-русски, по-немецки, по-французски и по-молда-

вански читать и писать умеет и алгебры знает». Современники рисуют Александра Ипсиланти человеком веселого нрава и живого ума, общительным, не чуравшимся развлечений. Но интересы его не ограничивались офицерскими пирушками и светскими развлечениями. Александр мечтал видеть свою Элладу свободной республикой.

Как же случилось, что русский гвардейский офицер, потомок древнего аристократического рода, оставался не только ревностным патриотом Греции, но и человеком передовых взглядов? Здесь сыграли свою роль два обстоятельства.

Прежде всего следует обратить внимание на связи семьи Ипсиланти с Ригасом Велестинлисом. Личные судьбы выдающегося борца за свободу Греции и этой греческой аристократической семьи переплетались не раз. В 80-х годах XVIII в. Ригас Велестинлис служил секретарем у деда Александра Ипсиланти. В 1798 г., когда происходило следствие по делу Ригаса Велестинлиса, отец Александра Ипсиланти — Константин Ипсиланти — был великим драгоманом Порты и, по некоторым данным, пытался, правда, безуспешно, спасти жизнь греческого революционера. Самому Константину Ипсиланти некоторые историки приписывают планы освобождения христианских народов из-под ига Турции. В качестве одного из доказательств приводятся слова, сказанные Наполеоном в Тильзите в 1807 г. императору Александру: «Я знаю планы Ипсиланти. Он обманывает обоих нас. Единственной его целью является осуществление его собственных химер»¹. Во всяком случае, доподлинно известно, что и патриотическая деятельность Ригаса Велестинлиса и его запретные революционные произведения были хорошо известны Александру Ипсиланти и его братьям и произвели на них большое впечатление. Революционный «Военный гимн» Ригаса Велестинлиса был, например, любимой песней А. Ипсиланти.

Большое воздействие на формирование свободолюбивых убеждений А. Ипсиланти и его братьев оказала и та среда, в которой они находились в России. Не только Александр, но и его братья были офицерами русской службы. Александр служил в русской армии в 1808—1821 гг., а Дмитрий, Георгий и Николай Ипсиланти — в 1815—

¹ К. Καλαντζής. Ἀλέξανδρος Ὑψηλάντης. Ἀθήνα, 1941, σ. 24.

Александр Ипсиланти

1821 г. Это был период подъема общественного движения в России. Значительное распространение получили революционные идеи, захватившие и часть русского офицерства. Началось уже идейное и организационное формирование декабристского движения. Со многими из его видных деятелей братья Ипсиланти были лично знакомы. В Кавалергардском полку, в котором трое из них (Александр, Георгий и Николай) начинали свою военную службу, так же как и в других гвардейских полках, в эти годы служило немало будущих декабристов.

Следует обратить внимание и на близкие отношения, существовавшие между семьей Ипсиланти и семьей героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н. Н. Раевского, два сына которого привлекались к следствию по делу декабристов, а дочери были замужем за декабристами С. Г. Волконским и М. Ф. Орловым.

Как уже говорилось, бывший валашский господарь с 1808 г. жил со своим семейством в Киеве. В Киевской же губернии находилось имение Каменка, принадлежавшее матери Н. Н. Раевского. О близком знакомстве этих двух семей свидетельствует следующий эпизод. Когда Константин Ипсиланти привез в апреле 1815 г. в Петербург младших своих сыновей для устройства на русскую военную службу, он специально ходатайствовал перед царем об определении Дмитрия Ипсиланти адъютантом при генерале Н. Н. Раевском. Царь удовлетворил эту просьбу. В 1818 г. адъютантом к Н. Н. Раевскому, командовавшему тогда в Киеве 4-м корпусом, перевелся и Николай Ипсиланти. В это же время начальником штаба 4-го корпуса стал М. Ф. Орлов, будущий муж Е. Н. Раевской. С М. Ф. Орловым особенно был дружен Александр Ипсиланти. Дружба эта началось, по-видимому, еще до войны 1812 г., со времен совместной службы в Кавалергардском полку.

А. Ипсиланти был знаком со многими будущими декабристами и через масонские ложи. Масоном он стал в 1810 г. В 1816 г. А. Ипсиланти состоял в ложе «Трех добродетелей» вместе с виднейшими декабристами: П. И. Пестелем, С. Г. Волконским, С. П. Трубецким, братьями М. И. и С. И. Муравьевыми-Апостолами, Н. М. Муравьевым.

Общение и дружба с М. Ф. Орловым и другими декабристами не могли, разумеется, пройти бесследно для будущих руководителей греческого восстания. Участие в спорах и беседах на политические темы передовой офицерской молодежи способствовало складыванию их радикальных взглядов, укрепляло их убеждение в том, что для избавления Греции от османского ига недостаточно ни «перевеса в знаниях» у греков, ни их «нравственного усовершенствования», — необходима вооруженная революционная борьба. В свою очередь, контакт с отважными патриотами своей родины — братьями Ипсиланти — способствовал возникновению у декабристов большого интереса и сочувствия к греческому национально-освободительному движению.

Все эти факты помогают понять отношение братьев Ипсиланти к «Филики Этерии». Николай Ипсиланти вступил в нее в 1818 г. в Кишиневе. Посвятителем его стал родственник семьи Ипсиланти Гавриил Катакази, чинов-

ник русского посольства в Константинополе и, одновременно, этеристский «апостол» для России. В 1819 г. Николай посвятил своего брата Георгия, а тот в начале 1820 г. — Дмитрия Ипсиланти.

Александр Ипсиланти находился в Петербурге во время ареста Н. Галатиса и уже в то время слышал о существовании тайного общества греков. Через год от своего брата Николая он узнал и процедуру приема в «иереи» и текст «великой клятвы». Однако тогда Александр Ипсиланти отказался вступить в общество до тех пор, пока он не получит полной информации о его руководителях.

Весной 1820 г. Ксантос, убедившись в нежелании Каподистрии встать во главе «Филики Этерии», решил привлечь к руководству Александра Ипсиланти.

Александр Ипсиланти принял его весьма благожелательно и стал расспрашивать откуда он родом и как оказался в Петербурге. Ксантос ответил, что он уроженец Патмоса и приехал в столицу России по торговым делам. Ипсиланти спросил Ксантоса, не ощущают ли его земляки на Патмосе утяжеление гнета турецкой тирании, как и в других областях Греции. «Турки везде тиранят бедных греков,— отвечал Ксантос,— и гнет их стал невыносимым». «Это потому,— отметил Ипсиланти,— что греки не стараются что-то сделать для того, чтобы избавиться от ига или, по крайней мере, облегчить его». На это Ксантос заметил, что у греков нет ни средств, ни руководителей, для того, чтобы что-то сделать для улучшения своего политического положения. Те люди, которые могут руководить греками, покинули их и обосновались в иностранных государствах. И он привел в качестве примера Каподистирию, отца Александра Ипсиланти — Константина и самого Александра Ипсиланти.

Тогда Александр Ипсиланти сказал: «Если мне станет известно, что мои соотечественники нуждаются во мне и если я приду к заключению, что я смогу что-то сделать для их счастья, то я, заявляю тебе об этом торжественно, готов пожертвовать всем, даже моим положением и жизнью, ради них». Ксантос, не в силах скрыть своего волнения, поднялся и сказал: «Дайте мне вашу руку, князь, в подтверждение ваших слов». Ипсиланти дал ему свою руку и Ксантос признался, что прибыл в Петербург не по торговым делам, а по другой, гораздо более важной причине, которую он и откроет князю завтра. Ипсиланти

хотел узнать обо всем сейчас же, но Ксантос попросил его набраться терпения до завтра и на этом они расстались.

Отсрочка эта объяснялась тем, что прежде чем предложить Ипсиланти руководство «Филики Этерией», Ксантос хотел посоветоваться с видными этеристами, находившимися в Петербурге: И. Маносом и П. Ипитисом. Получив их согласие, Ксантос на следующий день предложил А. Ипсиланти встать во главе греческого тайного общества. А. Ипсиланти попросил день на размышление. По истечении этого срока он сообщил Ксантосу о своем согласии.

А. Ипсиланти не являлся членом «Филики Этерии» и прежде чем вручить ему руководство обществом, нужно было принять его в этеристы. А. Ипсиланти дал письменное клятвенное обязательство о своей верности обществу и приверженности его целям. Он получил условное этеристское имя Калос — (Хороший) и условные инициалы «А. Р.». После этого был составлен следующий акт о принятии А. Ипсиланти верховного руководства «Филики Этерией»: «В соответствии с ранее принятым решением, члены Греческого общества, собравшись и тщательно рассмотрев вопрос, признали Генеральным инспектором Греческого общества светлейшего князя господина Александра Ипсиланти, с тем, чтобы смотрел и ведал во всем, или в том, что он сочтет важным, полезным и нужным для Греческого общества. Гарантией и обеспечением принятого решения служит подпись каждого из членов.

В Петербурге 12 (24) апреля 1820 г.

Александр Ипсиланти

Иоаннис Манос

*Эммануил Ксантос*².

После этого Ксантос, у которого находился список этеристов с их условными подписями и печать «высшей власти», направил шифрованные письма виднейшим этеристам Константинополя, Архипелага, Ионических островов, Пелопоннеса, континентальной Греции, в которых сообщалось, что Александр Ипсиланти назначен «высшей

² Γ. Κορδάτος. 'Ιστορία τῆς νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθήνα, 1957, т. 2, с. 78.

властью» Генеральным инспектором «Филики Этерии» и что к нему теперь нужно обращаться по всем вопросам и выполнять все его приказания.

Начался новый этап в жизни «Филики Этерии». Анонимная «Незримая высшая власть», состоявшая из скромных и безвестных патриотов, успешно выполнила свою миссию. Небольшая патриотическая ячейка из трех человек, возникшая в 1814 г. в Одессе, превратилась в 1820 г. в мощную революционную организацию, включавшую десятки тысяч людей, охватившую все классы греческого общества и все страны Европы и Азии, в которых жили греки. И. Каподистрия, самый влиятельный и известный греческий деятель того времени, ранее и слышать ничего не желавший о «Филики Этерии», вынужден был вступить с ней в серьезные переговоры. А. Ипсиланти охотно согласился всецело связать с ней свою судьбу. На долю нового руководителя «Филики Этерии» выпала ответственная и нелегкая задача — привести в движение огромную революционную машину, созданную «Незримой высшей властью». Разразившийся в 1820 г. в Османской империи серьезный внутренний кризис облегчил для этеристов переход к прямым революционным действиям.

Подготовка восстания

В начале 1820 г. в переписке этеристов часто упоминается слово «свекор». Так на условном языке греческие революционеры называли Али-пашу Тепелену, известного также под именем Али-паши Янинского. Об этом паше, невольно ставшем помощником борцов за свободу Греции, стоит рассказать более подробно.

Сын албанского бея из небольшого городка Южной Албании Тепелены Али-паша в молодости промышлял на больших дорогах. В 1787 г. он с отрядом захватил богатый торговый город Эпира — Янину и сделал его центром своего владения — пашалыка. В «смутное время», которое переживала Османская империя в конце XVIII — начале XIX в., Янинский пашалык сильно разросся, включив значительную часть Албании и Греции.

Али-паша правил на этой территории как самостоятельный государь: собирал налоги, набирал и распускал войска, вел переговоры с иностранными государствами. Среди его корреспондентов были Наполеон, Нельсон, Ушаков. Очистив дороги от своих прежних «коллег» — разбойников, сокрушив своих соперников — других пашей и беев, занимавшихся постоянными междоусобицами, Али-паша сделал доступными для иностранных путешественников самые глухие уголки Албании и Эпира. В 1809 г. он с почетом принимал в своей ставке в Тепелене Байрона. Великий английский поэт назвал Али-пашу «мусульманским Бонапартом» и посвятил ему несколько строф в «Чайльд-Гарольде».

Али-паша отличался жестокостью, коварством, хитростью. В этом он был очень похож на других турецких пашей. Зато от них его отличала весьма ловкая политика.

Янинский правитель игнорировал все турецкое и проявлял подчеркнутое внимание к албанцам и грекам. В Янинском пашалыке именно они занимали руководящие посты в армии, при дворе, в местной администрации. Али-паша покровительствовал распространению просвещения среди греческих и албанских подданных. Греческий язык являлся официальным языком Янинского пашалыка. Янина, где функционировали греческие училища, библиотеки, где жили видные греческие ученые — стала культурной столицей Греции, затмив пришедшие в упадок Афины. Однако изнанкой этого «просвещенного абсолютизма» была жесточайшая эксплуатация греческого и албанского крестьянства. Али-паша являлся крупнейшим земельным собственником Османской империи и одним из самых богатых людей в мире. Ему принадлежало более 1000 чифт-ликов, полученных главным образом, за счет захвата крестьянских земель.

После окончания русско-турецкой войны 1806—1812 гг. внутреннее положение Османской империи несколько упрочилось. Султан Махмуд II решил воспользоваться этим и уничтожить ненавистный ему Янинский пашалык. Он страстно желал прибрать к рукам и немалые богатства Али-паши, слухи о которых к тому же были преувеличены. Весной 1820 г. отношения между Яниной и Стамбулом сильно обострились. Али-паша не склонен был отказываться от того, что ему принадлежало. Его непримиримость подогревалась надеждами на помощь извне. 30 апреля 1820 г. Али-паша встретился в Превезе с переводчиком генерального консульства России в Морее И. Папаригопуло. Тот дал понять янинскому паше, что в случае войны с султаном он может рассчитывать на поддержку России. Обещание Папаригопуло шло вразрез с тогдашней политикой царского правительства, стремившегося поддерживать хорошие отношения с Портой. Однако Папаригопуло являлся не только русским чиновником, но и активным этеристом. «Филики Этерия» же была заинтересована в том, чтобы вызвать столкновение между султаном и Али-пашой и отвлечь внимание турок от действий греческих революционеров.

В конце июня 1820 г. началась открытая война между Махмудом II и его могущественным вассалом. Армия янинского правителя насчитывала несколько десятков тысяч человек. Это были, в основном, албанцы, считавшиеся

тогда лучшими солдатами Османской империи. В распоряжении Али-паши имелись и многие крепости, заблаговременно подготовленные им к длительной обороне. Поэтому для проведения военной акции против янинского властителя Порты должна была мобилизовать все военные силы Европейской Турции. Многие турецкие наместники в Греции получили приказ выступить со своими войсками к Янине. А. Ипсиланти, придя к руководству «Филики Этерией», решил воспользоваться создавшейся ситуацией и поднять греческий народ на освободительное восстание.

Находясь в Петербурге, новый руководитель тайного общества, около двух месяцев никуда не выходя из дома, ознакомился с документами о деятельности «Филики Этерии», привезенными Ксантосом.

Изучив структуру «Филики Этерии», Ипсиланти решил внести в нее некоторые усовершенствования.

Дело в том, что расширение масштабов деятельности организации, значительное увеличение числа ее активных членов — «иереев» и «пастырей», очень осложнило руководство людьми на местах из одного центра. Возникли трудности и в финансовой деятельности этеристского общества. «Иереи» и «пастыри», как известно, не могли непосредственно сноситься с «высшей властью». Поэтому, когда вербовщик «иерей» получал от завербованного им этериста денежный взнос, он передавал его тому «иерею», который в свое время завербовал его в организацию, тот — своему вербовщику и т. д. Пока деньги доходили до «высшей власти» могло пройти немалое время: этеристы были рассеяны по разным странам, а средства сообщения в то время не отличались ни быстротой, ни надежностью.

Еще до того, как А. Ипсиланти стал во главе общества, в структуру «Филики Этерии» ввели добавочное звено — эфории (окружные комитеты). В состав эфорий входили наиболее крупные греческие купцы и банкиры данного города или провинции. Эфории руководили всей текущей деятельностью этеристов, поддерживая связь между собой и непосредственно обращаясь по наиболее важным вопросам к «высшей власти», находившейся тогда в Константинополе. Важнейшей функцией эфорий являлся сбор денежных средств. Каждая эфория имела свою кассу; кассы всех эфорий составляли национальную «священную казну», до которой никто не имел права дотронуться, пока не будет дан сигнал готовиться к восста-

нию. Эфории функционировали в Москве, Одессе, Бухаресте, в Пелопоннесе, Смирне (Измир), на острове Хиос.

Ипсиланти одобрил создание эфорий и принял меры к расширению их сети.

В сборе денежных средств для восстания в Греции важную роль сыграло и созданное в Москве «Греческое торговое общество любителей муз и филантропов». Главной целью общества было содействие распространению просвещения в Греции, тайной — сбор средств для подготовки восстания.

Новый руководитель произвел преобразования и в структуре тайного общества. Так, он упразднил степени «побратимов», «рекомендованных» и «архипастырей». Ликвидация двух первых степеней объяснялась неоправданными опасениями вождя «Филики Этерии». По его мнению, дальнейшее широкое распространение «Филики Этерии» среди низших классов населения увеличивало возможность предательства и раскрытия тайны общества турками. Развитие событий показало, что Ипсиланти неправ в своем недоверии к народным массам: турецким властям о «Филики Этерии» доносили не крестьяне и не клефты, а фанариоты и кодзабасы.

Май и июнь 1820 г. прошли для Ипсиланти в напряженном и плодотворном труде. Однако было трудно и опасно руководить подготовкой восстания в Греции из далекой северной столицы. Здесь был особенно силен полицейский надзор. Поэтому руководитель «Филики Этерии» решает перебраться на юг России поближе к турецкой границе. Перед отъездом из Петербурга Ипсиланти встретился с Каподистрией и сообщил ему о том, что он возглавил греческое тайное общество.

Некоторые историки утверждают, что не только Каподистрия, но и царь знал о замышляемом Ипсиланти предприятии. Рассказывают даже, что Ипсиланти перед своим отъездом встретился с русским самодержцем в дворцовом парке Царского Села и тот якобы «благословил» вождя «Филики Этерии» за дело освобождения Греции. Утверждения эти, однако, далеки от истины. Царь, следуя политике Священного союза, стремился в этот период избежать каких-либо осложнений с Турцией. Он опасался, что война на Дунае и освобождение балканских народов могут вызвать рост революционного движения в Европе. По-видимому, «миролюбие» Александра I в этот период объясня-

лось еще и военной неподготовленностью России. Каподистрия, хорошо знавший настроения царя, посоветовал Ипсиланти ни в коем случае не ставить его в известность о планах освобождения Греции.

В начале июля 1820 г. Ипсиланти выехал из Петербурга. Пробыв некоторое время в Москве и Киеве, он в начале августа прибыл в Одессу — основной центр деятельности этеристов в России, и находился здесь более двух месяцев.

Одна из целей поездки Ипсиланти в Одессу состояла в получении займа у местных банкиров-греков. Но здесь его постигла неудача. Богатые банкиры, «жалкие скряги», как их назвал Ипсиланти, не выразили готовности жертвовать своими капиталами ради освобождения Греции. Зато среди простых греков Одессы прибытие руководителя «Филики Этерии» было встречено с энтузиазмом. Началось массовое вступление в революционное общество. Стаматис Кумбарис, один из видных одесских этеристов, записывал в своем дневнике: «Я начал вербовать всех греков в „Филики Этерию“; тот, кто вступал, на следующий день приводил своих друзей и родственников, так что в 24 часа о ней стало известно всем одесским грекам. Каждый по своему усмотрению приносил деньги... Многие бедняки оказались более щедрыми, чем богачи. Они оставляли себе только сумму денег, необходимую для того, чтобы добрать-ся до поля битвы, а все остальные отдавали»¹.

13 октября 1820 г. Ипсиланти прибыл в Измаил. Вскоре здесь состоялся большой военный совет «Филики Этерии» с участием ее виднейших руководителей. Обстановка требовала принятия безотлагательных решений. На севере Греции уже четвертый месяц бушевала война. Вначале султанские войска, действовавшие против Али-паши, быстро оккупировали почти весь Янинский пашалык. Выйдя к концу августа 1820 г. к Янине, они неожиданно встретили серьезный отпор и должны были приступить к систематической осаде крепости. Никто не знал, сколько времени Али-паша сможет держаться в янинской крепости против намного превосходящих сил султанской армии. Нетрудно представить, насколько осложнилась бы для этеристов обстановка, если бы Порте удалось полностью разгромить Али-пашу: в ее распоряжении оказалась бы готовая к боевым действиям армия.

¹ Σ. Σακκελλάρης. Φιλική Ἑταιρεία. Εν Ὁδῆσῳ, 1909, σ. 70.

Измайльское совещание приняло решение начать освободительное восстание в Греции через два месяца. Столько времени требовалось Ипсиланти для того, чтобы добраться сушей до Триеста, а оттуда на греческом судне — до Мани, где намечалось начать восстание. Одновременно греческий военачальник Георгаки Олимпиос должен был совместно с вождем валашских повстанцев Тудором Владимиреску поднять восстание в Дунайских княжествах. Предполагалось также обратиться к вождю сербов Милошу Обреновичу с просьбой о военном содействии и установить контакт с Али-пашой. План этот носил вполне реальный характер.

Александрю Ипсиланти были представлены и другие военные планы. Один из них, например, предусматривал поджог Стамбула, овладение турецким флотом на его базе и пленение султана. Осуществление этого безумно смелого плана поразило бы врага в самое сердце. Однако претворить его в жизнь было невероятно трудно. Особу султана и его столицу охранял 100-тысячный гарнизон из отборных хорошо вооруженных турецких войск. По сравнению с ними силы этеристов, находившиеся в Стамбуле, были ничтожны.

Вскоре организация приступила к осуществлению решений Измайльского совещания. В соответствии с ними в различные районы Балкан были назначены «апостолы» «Филики Этерии»: Г. Лассанис — в Дунайские княжества, А. Папас — в Сербию, Папафлессас — в Пелопоннес, Д. Ипатрос и Х. Перревос — в Эпир. Неожиданно в начале ноября 1820 г. А. Ипсиланти единолично изменил первоначальный план действий. Отказавшись от высадки в Мани и, следовательно, от непосредственного руководства восстанием в Греции, он решил вступить в Дунайские княжества, поднять здесь восстание, а затем с оружием в руках пробиваться в Грецию через Болгарию и Македонию. В письмах, посланных виднейшим этеристам, вождь «Филики Этерии» объяснял эти изменения как необходимостью отвлечь внимание врагов, которым стало известно о подготовке восстания в Греции, так и опасностью, с которой было связано передвижение по австрийской территории к Триесту (откуда Ипсиланти предполагал отплыть в Мани). Определенную роль в изменении военного плана сыграла, по-видимому, борьба между различными группировками внутри «Филики Этерии».

Созданное в 1814 г. выходцами из купеческого сословия, тайное общество этеристов к 1820 г. превратилось в весьма разнородную по социальному составу организацию. Греческий исследователь В. Мексас составил списки этеристов на конец 1819 г. на основании «посвятительных писем», найденных им в архиве П. Секериса, который после смерти Н. Скуфаса являлся одним из наиболее активных руководителей «Филики Этерии». В списках этих всего 452 фамилии. Это не значит, что такова численность «иереев» «Филики Этерии», на которых составлялись «посвятительные письма». Их было значительно больше. Многие «посвятительные письма» просто не сохранились. Но если списки, составленные Мексасом, не отражают численности активных этеристов, то они дают представление об их социальном составе.

Из 452 человек — 153 — более трети — занимались торговлей и мореходством. Кроме того, из 104 человек, профессия которых не указана, значительная часть тоже, по-видимому, принадлежала к этой категории. В списках Мексаса фигурируют также 60 представителей знати, 36 человек, занимавшихся военным ремеслом, 24 духовных лица, 23 чиновника или секретаря, 22 учителя и студента, 10 докторов, 4 юриста и 16 лиц других профессий.

По этим данным видно, что не только по происхождению, но и по составу «Филики Этерия» к началу 1820 г. продолжала, в значительной мере, оставаться политической организацией буржуазии. И это не удивительно. Греческая буржуазия в тот период, особенно ее авангард — буржуазия греческих заграничных колоний — являлась передовым классом.

В списке нет крестьян, поскольку крестьяне, как правило, неграмотные, оставались в «Филики Этерии» в степени «побратимов». Но имеющиеся в нем военные, главным образом, предводители отрядов клефтов и арматолов, несомненно были тесно связаны с крестьянством.

Интересы демократических слоев греческого общества в руководстве «Филики Этерии» представляло радикальное течение. К нему принадлежали уже известный нам Скуфас, Папафлессас (Григориос Дикеос), пламенный революционер, настоящий народный трибун, отважные предводители клефтов Колокотронис и Анагностарас, Христофорос Перревос, убежденный республиканец, один из немногих спасшихся соратников Ригаса Велестинлиса.

Приход Ипсиланти к руководству усилил прогрессивное крыло «Филики Этерии». Сам Ипсиланти, как можно судить по его высказываниям, был не только греческим патриотом, но и человеком прогрессивных убеждений. Он, в частности, считал, что Греция в борьбе за независимость должна рассчитывать, прежде всего, на собственные силы, поскольку помощь со стороны европейских держав вызовет замену одной формы иностранного господства другой. В 1820 г. Ипсиланти писал одесскому этеристу С. Кумбарису: «Мы — греки, мы — дети Эллады, она нас призывает освободить ее; не следует принимать помощи от иностранцев, мы сами должны освободить свою родину»². «Имейте всегда в виду, братья-соотечественники,— предостерегал Ипсиланти греков,— что никогда иностранец не поможет иностранцу, не добившись при этом большой выгоды для себя»³.

Можно заключить, что руководитель «Филики Этерии», хотя и носил мундир царского генерала и иногда в своих воззваниях и письмах, из определенных соображений, намекал на помощь Александра I в деле освобождения Греции, на деле не питал особых иллюзий относительно политики царизма и других европейских правительств в греческом вопросе.

Радикальное направление в «Филики Этерии» имело свою историю. Она вела к Ригасу Велестинлису. «Наша „Этерия“,— писал Николай Ипсиланти,— была основана на подлинных принципах его (Ригаса Велестинлиса.— Г. А.) „Этерии“»⁴. Этеристы практически осуществляли некоторые идеи замечательного революционера-демократа, в особенности его идею о сотрудничестве всех балканских народов в борьбе за освобождение. В состав «Филики Этерии» наряду с греками входили албанцы, болгары, румыны, сербы.

«Филики Этерия» не имела определенной программы политического устройства Греции после ее освобождения от турецкого ига (в этом, конечно, заключалась одна из ее наиболее серьезных слабостей). Однако есть основания утверждать, что радикальные руководители «Филики Эте-

² Σ. Σαχκελλάριος. Φιλική Ἐταιρεία, σ. 69.

³ Γ. Φιλιμονος. Δοκίμιον περὶ, τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπανάστασεως. Ἀθήναι, 1859, τ. 1, σ. κη-κθ.

⁴ Mémoires du prince Nicolas Ypsilanti. Athènes, [s. a.], p. 99.

рии», подобно Ригасу Велестинлису, были убежденными республиканцами. «Горе ей (Греции.— Г. А.),— говорил А. Ипсиланти,— если в стране утвердится наследственная власть»⁵. О приверженности греческих революционеров к республиканской форме писал и П. И. Пестель, изучавший в 1821 г. по заданию своего военного начальства греческое революционное движение.

Но наряду с «греческим карбонаризмом» (так реакционеры называли радикальное течение в «Филики Этерии») в недрах этого революционного общества имелось и умеренное течение. Оно сформировалось в 1818—1820 гг., когда в «Филики Этерию» вошли некоторые высшие деятели церкви, фанариоты, крупные кодзабасы. Наиболее консервативными из них оказались кодзабасы. Они не скрывали своей враждебности к передовым освободительным идеям, которые несла «Филики Этерия». Некоторые из кодзабасов прямо помогали турецким властям преследовать этеристов.

Правда, не все кодзабасы открыто выступали на стороне турок в борьбе против «Филики Этерии». Часть греческих помещиков, более тесно связанная с рынком, была недовольна турецким правлением и хотела бы его заменить другим, менее деспотичным и отсталым. Однако и они боялись народного восстания, опасаясь, как бы крестьяне, получив оружие, не употребили его не только против турецких беев, но и против «своих» кодзабасов. Выступая 7 февраля 1821 г., незадолго до начала восстания, на совещании кодзабасов Пелопоннеса в Востике, один из крупнейших кодзабасов Сотирис Харалампис весьма откровенно выразил эти опасения своего класса: «После того, как покончим с турками, в чьи руки мы предадимся, кто будет над нами верховодить. Райя, как только возьмет в руки оружие, перестанет слушать и уважать нас и мы попадем в руки тех, кто вчера еще не умел держать вилку»⁶. Эти греческие магнаты мечтали ликвидировать турецкое господство не революционным путем, а в результате войны Турции с внешним противником. Некоторые из них потому и примкнули к «Филики Этерии», что считали: за ее спиной стоит русский царь.

⁵ Ι. Φιλίμωνος. Δοκίμιον περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως, т. 1, σ. κθ.

⁶ Λ. Στρίγκος. Ἡ Ἐπανάσταση τοῦ Εἵκοσινα. Πολιτικές καὶ λογοτεχνικές ἐκδόσεις. 1958, σ. 66.

Крупные кодзабасы (А. Заимис, С. Харалампис, П. Нотарас и другие) и близкие к ним представители высшей церковной иерархии (митрополит Патр Германос и митрополит Монебвасии Хрисанфос) составляли в «Филики Этерии» небольшую, но весьма влиятельную группу. Она сумела поставить под свой контроль важнейшую эфорию «Филики Этерии» — пелопоннесскую. Без Пелопоннеса же, наиболее населенной греческой провинции, с ее выгодным стратегическим положением, неподвластными Турции макиотами и другими вооруженными отрядами, никакое восстание в Греции не могло рассчитывать на успех. Ипсиланти не мог не считаться с пелопоннесской знатью и, возможно, что давление с ее стороны стало одной из причин, побудивших его изменить первоначальный план восстания.

Между тем, этеристские «апостолы» уже начали действовать. Январской ночью 1821 г. на восточном берегу Пелопоннеса высадился Папафлессас (архимандрит Григориос Дикеос) — человек бесстрашный и свободолюбивый, обладавший неистощимой энергией и пылким революционным темпераментом. От духовного лица в нем была только ряса, открывавшая ему доступ в дома бедных и богатых и помогавшая усыплять подозрительность турецких властей. Смотря по обстоятельствам Папафлессас снимал и ее, переодеваясь в турецкий костюм. Не все в «Филики Этерии» верили в него. Один из участников Измаильского совещания даже сказал во всеуслышание, обращаясь к Папафлессасу: «Поп! Читай свой псалтырь, а эти дела тебя не касаются».

Но «поп» сделал в Пелопоннесе столько, сколько вряд ли мог бы сделать кто-нибудь другой. За два месяца этот эмиссар «Филики Этерии» исколесил весь край. Действуя, по его словам, от имени «Верховной власти нации», он приказывал кодзабасам и епископам Пелопоннеса готовиться к восстанию, угрожая, что в противном случае он, вместе с этеристами, сам поднимет народ на восстание. На колеблющихся Папафлессас воздействовал, говоря, что большой русский флот и армия уже идут к берегам Пелопоннеса. Наиболее консервативно настроенные кодзабасы Пелопоннеса, напуганные воздействием революционных речей «дьявольского попа» на народ, заключили его в монастырь. Но через несколько дней этеристский

«апостол» бежал оттуда вместе с несколькими из монахов, которым поручили его сторожить, и продолжил свою революционную агитацию.

Активно действовали в Пелопоннесе и другие этеристы. Приводили в боевую готовность свои отряды руководители клефтов Колокотронис, Анагностарас и вождь маниотов Петро-бей Мавромихалис. В монастырь «Пророка Ильи» (возле Каламе) из Смирны доставили порох и пули. Здесь образовался первый в Пелопоннесе военный склад. Не останавливаясь работали принадлежавшие этеристам, братьям Спильотопулосам, пороховые мануфактуры в Димицане. Охваченный революционным подъемом всюду готовился к восстанию народ. Ночами оружейники и кузнецы тайно от турок чинили ружья и пистолеты, отливали пули.

Не всем «апостолам» «Филики Этерии» довелось так успешно выполнить свою миссию, как это сделал Папафлессас. Димитриос Ипатрос, которому поручили установить связь с Али-пашой, в декабре 1820 г., по дороге в Янину, был убит кодзабасом Наусы Логофетом Зафираки. Найденные при убитом документы Зафираки передал турецким властям. В благодарность за то, что он «оказал государству такую услугу, какую не оказал и турок», предателя «наградили» султанским ферманом (указом). Убийство Ипатроса помешало установить связь между мятежным янинским пашой и греческими революционерами.

Трагической оказалась судьба и «апостола» Аристидиса Папаса, которому поручили отвезти вождю сербов Милошу Обреновичу составленный Александром Ипсиланти проект «оборонительного и наступательного, вечного и нерушимого союза» между Грецией и Сербией. В начале января 1821 г. посланец Ипсиланти выехал из Кишинева. Проехав благополучно всю Молдавию и Валахию, Папас добрался до сербской границы. Но здесь при переправе через Дунай на острове Ада-Кале, где он остановился на ночлег, его схватили турки. По приказу губернатора Видина Шекира-паши захваченного этериста после мучительных пыток обезглавили, а обнаруженные при нем бумаги отправили в Константинополь.

Из захваченных у Ипатроса и Папаса документов Пор-та получила сведения о революционных замыслах греков. Их дополнили показания доносчиков. Некий грек Асимакис, служивший в Константинополе секретарем у одного

Папaфлессас

турецкого вельможи и вступивший в «Филики Этерию», сообщил о ее существовании Абди-бею, члену Дивана (султанский совет). Фанариот Александр Суццо, господарь Валахии, выдав себя за патриота, разузнал все, что мог о «Филики Этерии», а затем направил донос султану. Предатель нашелся и в Морее. Им оказался один из самых богатых и влиятельных проэстосов (старшин) Триполиса Сотирис Кугиас. Узнав в декабре 1820 г. о существовании «Филики Этерии», он пришел к видным деятелям города и сказал им: «Аги! Откройте как следует ваши глаза. Райя собирается поднять восстание и убить вас»⁷.

В неблагоприятной роли выступила и английская дипломатия. Англия в этот период относилась резко враждебно

⁷ Γ. Κορδάτος. Ιστορία τῆς νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθῆνα, 1957, т. 2, с. 181.

к греческому национально-освободительному движению и к грекам вообще. Она видела в греках верных союзников России. Однако все усилия английских агентов подорвать доверие и привязанность греческого народа к России оставались тщетными.

Стремясь к безраздельному господству на Средиземном море, Англия была обеспокоена и развитием греческого судоходства. Как писал в одном из своих воззваний Александр Ипсиланти, Англия «смотрит на увеличение числа наших торговых кораблей с завистью и ревностью; она знает, что среди нас снова могут родиться блистательные герои Саламина»⁸.

Вот и теперь, английский посол в Константинополе, узнав через своих агентов о существовании конспиративной греческой организации, опиравшейся, как он полагал, на помощь России, поспешил уведомить султана. Больше того, он предложил «радикальный» способ для предотвращения восстания греков: переселить всех христиан Пелопоннеса в Малую Азию, а на их место поселить турок из Анатолии.

Таким образом, турецкое правительство узнало о существовании «Филики Этерии». Можно было ожидать, что незамедлительно начнется охота за этеристами и на всех греков обрушатся кровавые репрессии. Однако этого не произошло, и этеристы смогли завершить подготовку к восстанию.

Пассивность султана Махмуда II и его пашей объяснялась целым рядом причин. Прежде всего, сведения о «Филики Этерии», ставшие достоянием турецкого правительства, оказались весьма туманными и неопределенными. К этому приложили руку переводчики-греки, которые переводили захваченные у убитых этеристских «апостолов» документы. Они своеобразно перевели эти документы: читая их, можно было думать, что речь идет о какой-то небольшой частной конспиративной группе греков. Порта, привыкшая к такого рода вещам, не придавала и этим сообщениям особого значения.

Этеристы старались и другими путями приуменьшить значение данных, оказавшихся в распоряжении турецких властей. Их люди были повсюду. Они могли влиять и на

⁸ Ibid., с. 103.

приближенных султана, и на провинциальных пашей. Доверенные лица этеристов старались внушить турецким властям мысль, что сведения о подготовке греками восстания являются ложными и намеренно распространяются Али-пашой с целью заставить турецкое правительство снять осаду Янины. Внушения эти падали на благоприятную почву. Всеми делами в Османской империи вершил тогда могущественный фаворит султана Халет-эфенди — смертельный враг Али-паши, решившийся во что бы то ни стало довести борьбу с ним до конца. Вполне возможно, что благодаря ему некоторые донесения о «Филики Этерии» были положены под сукно. Во всяком случае, турецкие историки позднее единодушно обвиняли в успешном начале восстания 1821 г. султанского любимца.

Этеристы узнали и об антигреческих маневрах английской дипломатии. Они постарались нанести ответный удар. Повод для него дали сами англичане. В начале 1821 г. английское морское ведомство проводило гидрографические работы на побережье Коринфского залива. Известить об этих работах турецкое правительство англичане «забыли». Сами работы производились в ночное время, так как англичане опасались греческого населения, настроенного против них. Этими обстоятельствами и воспользовались этеристы. Турецкие власти Патр получили от местных жителей жалобу на действия английских моряков. В ней говорилось, что англичане, как союзники Али-паши (а янинский правитель до 1820 г. действительно был в близких отношениях с Англией), проводят измерения для того, чтобы подготовить высадку его войск в Пелопоннесе. Произведя проверку, турецкие власти убедились: англичане на самом деле ведут какие-то работы на греческом побережье. Местный паша поспешил известить об этом Порту. Не забыл он при этом похвалить «преданность» греческой райи султану и охарактеризовать англичан как «истинных возмутителей спокойствия империи».

Этеристы энергично и ловко боролись с врагами национально-освободительного движения. Они всеми мерами старались обезвредить доносчиков. Вскоре после того, как стало известно о предательской деятельности господаря Валахии Александра Суццо, он заболел и умер. Есть основание полагать, что это произошло не без вмешательства «Филики Этерии».

Но доносы не прекращались. Они оказывали свое действие, усиливая подозрительность турецких властей. Турки готовились к репрессивным мерам. Предвестником их стал отданный в конце февраля 1821 г. приказ турецкого паши Мореи всем епископам и крупным кодзабасам провинции прибыть в его резиденцию. В этой тревожной и сложной обстановке большое значение имело то обстоятельство, что верховный штаб «Филики Этерии» находился на русской территории и был недостижим для турецких пашей.

Перед переходом турецкой границы А. Ипсиланти четыре месяца (ноябрь 1820 — февраль 1821 г.) жил в Кишиневе. Здесь он устраивал совещания, посылал за границу своих эмиссаров, вел обширную переписку по вопросам подготовки восстания. Отсюда глава тайного общества обращался к жителям греческого континента и островов, к морякам и клефтам, призывая их готовиться к восстанию, собирать оружие, делать запасы продовольствия. Не случайно Меттерних позднее называл Кишинев «колыбелью греческой революции».

Активизировалась деятельность «Филики Этерии» и в других районах южной России. Местные власти, которые должны были заметить оживление патриотической деятельности греков, не чинили ей каких-либо препятствий, считая, по-видимому, что она не противоречит интересам Российской империи. Новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона, под покровительством которого действовали одесские этеристы, даже называли «филеллином». Благожелательно был настроен к греческим борцам за независимость и наместник Бессарабии И. Н. Инзов. Одесская эфория «Филики Этерии» в письме от 12 ноября 1821 г. выразила ему благодарность за оказанные этеристам многочисленные услуги.

Гораздо больше, чем официальные круги, знала о приготовлениях этеристов прогрессивная русская общественность. На юге России жили и действовали в то время многие виднейшие декабристы. Когда Александр Ипсиланти прибыл в Кишинев, то он нашел здесь своего старого знакомого, сослуживца по Кавалергардскому полку генерала М. Ф. Орлова, который еще в 1818 г. вступил в «Союз благоденствия». В июне 1820 г. Орлов был назначен командиром 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии на русско-турецкой границе.

В Кишиневе Орлов снял несколько домов и зажил как гостеприимный русский барин. За обедом у него редко бывало менее 15—20 человек. Однако они собирались не ради светских развлечений. Гостеприимный дом Орлова стал чем-то вроде политического клуба для кишиневских декабристов, а его хозяин — их признанным лидером. Часто посещал дом Орлова в Кишиневе и Александр Ипсиланти.

В судьбе этих двух людей было много общего. Оба сделали блестящую военную карьеру и стали самыми молодыми генералами русской армии: Орлов получил это высокое воинское звание в 26 лет, а Александр Ипсиланти — в 25. Что еще более важно, обоим были присущи вольнолюбивые стремления и оба связали свою судьбу с революционным движением. Не удивительно, что между Орловым и Александром Ипсиланти возникли дружеские отношения.

О чем шли долгие беседы в Кишиневе между двумя друзьями, двумя русскими генералами, один из которых являлся главой тайного греческого революционного общества, а другой — руководителем местного центра революционной организации декабристов? Точный ответ на этот вопрос могли бы дать лишь Александр Ипсиланти или Орлов. Вот что пишет крупнейший греческий историк «Филики Этерии» И. Филимон, современник событий, хорошо знавший семью Ипсиланти: «Связанный с ним (Орловым.— Г. А.) тесной дружбой, как уже говорилось, и имея все основания быть уверенным в свободолюбии этого человека, Ипсиланти сообщил ему доверительно о своих планах в отношении Греции и усиленно старался сделать его участником перехода через Прут вместе с находившимися под его командованием войсками. В результате этого, действительно говоря, или император был бы неизбежно обвинен в нарушении своих договоров с султаном, или Орлов в неповиновении императору. В результате, в первом случае последовало бы объявление войны со стороны Турции, а во втором — смещение Орлова, вполне необходимое (затем он снова был бы восстановлен в своих правах). Генерал Киселев, начальник штаба, не был в курсе всего этого, но, видя особо близкие отношения между Орловым и Ипсиланти, их беседы, что-то заподозрил. Когда же Орлов с готовностью на все согласился, проявив только опасения в отношении того, что его сместят, Ипсиланти рассеял и их, предложив, чтобы он сам

М. Ф. Орлов

перешел через Дунай с греками, а тот занял княжества с русскими, как самостоятельный начальник. Однако несчастный случай помешал осуществлению этого плана. На Орлова поступил донос, он был лишен командования авангардом (армии Витгенштейна.— Г. А.) и отозван в Петербург»⁹.

Сразу же заметим одну явную фактическую погрешность в рассказе греческого историка. М. Ф. Орлов был отстранен от командования дивизией не до восстания Александра Ипсиланти, а значительно позже — в феврале 1822 г. (в связи с солдатскими волнениями в одном из полков его дивизии).

⁹ I. Φιλίμωνος. Δοκίμιον περί τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπανάστασεως, т. 1, с. 87—88.

Это не значит, что сообщение греческого историка о переговорах между М. Ф. Орловым и Александром Ипсиланти вообще не заслуживает внимания. Косвенным свидетельством вероятности таких переговоров являются недавно опубликованные частные письма самого Орлова. Письма эти не вызывают никаких сомнений относительно горячего сочувствия генерала-декабриста грекам, его готовности с оружием в руках сражаться за их свободу. 9 июля 1820 г., вскоре после назначения Орлова командующим 16-й дивизией, он писал А. Н. Раевскому: «Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение (Греции.— Г. А.), это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился»¹⁰. Из других писем Орлова этого же периода становится ясным, что он знал о существовании «Филики Этерии» и хорошо был осведомлен о планах Ипсиланти.

¹⁰ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 225.

Греция в огне

Незадолго перед выездом из Петербурга Александр Ипсиланти получил в Коллегии иностранных дел заграничный паспорт для поездки на минеральные воды. По этому паспорту он 6 марта 1821 г. беспрепятственно проехал через Скуляны, пограничное местечко на русско-турецкой границе и в тот же день прибыл в Яссы, столицу Молдавии. Отсюда он обратился с воззваниями к грекам и румынам, призывая их подняться на борьбу против общего врага.

За короткое время под знаменами Ипсиланти собралось более 2 тыс. добровольцев — греков, болгар, сербов и албанцев. Когда же его армия дошла до Валахии, в ней на считывалось уже свыше семи тысяч человек. «Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — отныне и мертвый или победитель принадлежит истории»¹, — с восторгом писал А. С. Пушкин о первых успехах Александра Ипсиланти. Однако вскоре обстановка для деятельности греческих этеристов в княжествах осложнилась.

Еще до того, как Ипсиланти перешел Прут, в Валахии развернулось народное восстание Тудора Владимиреску, направленное против феодального и национального гнета. Вначале предводители греческих и румынских повстанцев действовали рука об руку. Их отряды почти одновременно вступили в Бухарест. Но антинародные силы: греческие фанариоты и румынские бояре, которых поддержи-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. М., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 24.

вала англо-австрийская дипломатия, приложили все силы, чтобы подорвать это сотрудничество.

Сам Ипсиланти как политик оказался не сильным. Вождь этеристов не поддержал социальные требования румынских повстанцев. Сначала он собирался отменить привилегии знати и церкви в Молдавии, но под влиянием Ризоса Нерулоса, ближайшего доверенного лица молдавского господаря Михаила Суццо, отказался от своего намерения. Поведение А. Ипсиланти в княжествах свидетельствовало также о том, что руководитель «Филики Этерии» мало считался с чувствами и настроением местных жителей, для которых более чем столетнее правление фанариотов олицетворяло самые мрачные и унижительные стороны турецкого господства. Все это резко ухудшило отношения между Ипсиланти и Владимиреску. Трагической развязкой возникшего между ними разногласия стали арест и казнь последнего.

Конфликтом между этеристами и румынскими повстанцами воспользовалась Турция, начав решительные действия против национально-освободительного движения в Дунайских княжествах. В жестокой битве при Драгоша-нах (19 июня 1820 г.) они разгромили основные силы этеристов. Александр Ипсиланти перешел австрийскую границу, но был задержан и по распоряжению Меттерниха заточен в крепость. Восстание в Дунайских княжествах потерпело поражение. В Греции же оно принимало все больший размах.

Как только весть о первых успехах Ипсиланти достигла греческой земли, уже никакая сила не могла удержать народ от восстания. Первые выстрелы прогремели 28 марта 1821 г.² в Ахайе (Северный Пелопоннес). Здесь отряд греков во главе с Николаосом Солиотисом, членом «Филики Этерии» с 1818 г., напал на турецких сборщиков налогов в деревне Порты. 2 апреля 1821 г. поднялись Патры, торгово-ремесленный город с 10-тысячным населением. Душой восстания там также был активный этерист Панайотис Карадзас. В эти же дни восстание началось и в Лаконии, на юге Пелопоннеса. 4 апреля 1821 г. в Каламе

² Официально День независимости отмечается в Греции 25 марта. Согласно существующей официальной традиции в этот день (он берется по старому стилю, по новому стилю—6 апреля) митрополит Патр Германос в монастыре св. Лавры торжественно провозгласил начало восстания против турецкого господства.

вступил двухтысячный отряд повстанцев под предводительством Колокотрониса, Папафлессаса и вождя маниотов Мавромихалиса. В апреле 1821 г. восстание захватило континентальную Грецию и Эгейские острова. Вышли в море греческие корабли, блокировав крепости, в которых еще находились турецкие войска.

Во главе восставшего народа всюду шли этеристы. Однако сохранить в своих руках руководство восстанием «Филики Этерия» не смогла.

Кодзабасы и богатые судовладельцы островов, поняв, что удержать народ от выступления не удалось, решили примкнуть к восстанию. В известной мере, сделать это вынудили их сами турецкие власти. В апреле 1821 г. по всей Османской империи прокатилась волна греческих погромов. Убивали всех подряд и без разбора. Были казнены некоторые видные фанариоты. В Стамбуле на воротах патриаршего дворца был повешен 84-летний константинопольский патриарх Григорий V, несмотря на то, что до этого он, по приказу султана, предал анафеме Александра Ипсиланти. Примкнув к восстанию, верхи греческого общества сумели отеснить от руководства восстанием «Филики Этерию». Этеристские революционеры, вышедшие, главным образом, из среды греческой буржуазии, жившей за границей, не смогли противостоять крупным кодзабасам и богатым судовладельцам, в руках которых находились ключевые позиции политической и экономической жизни Греции.

Сама «Филики Этерия», как общенациональная организация, фактически прекратила свое существование с весны 1821 г.; с момента начала борьбы в Дунайских княжествах этеристское движение лишилось единого центра и разбилось на отдельные очаги. Очаги эти продолжали существовать на протяжении всего 1821 г. После катастрофы при Драгошанах еще несколько месяцев героически сражался в Молдавии и Валахии Георгаки Олимпиос. С ним оставалось всего 11 человек, когда многочисленные отряды турок осадили монастырь Секу. 5 октября 1821 г. Олимпиос, чтобы не попасть в руки врагов, поджег бочку с порохом и взорвал себя и осаждавших его врагов.

Летом 1821 г. этеристы снова активизировались и на этот раз в самой Греции. 20 июня 1820 г. в порт Идры прибыл корабль, на борту которого находился Дмитрий Ипсиланти, представитель генерального инспектора «Выс-

шей власти» и главнокомандующего греческими силами в Дунайских княжествах Александра Ипсиланти. Брат руководителя «Филики Этерии» проделал трудный и опасный путь, проехав через австрийскую территорию под вымышленным именем А. Стостопопулоса, — «слуги» греческого купца, активного этериста П. Анагностопулоса. Прибытие Дмитрия Ипсиланти в Грецию было встречено народом с энтузиазмом. Значительно окрепли позиции этеристов. Дмитрий Ипсиланти подписывал все свои документы как представитель генерального инспектора «высшей власти». Он был признан главнокомандующим греческими войсками. Возникла возможность, что и военное и политическое руководство восстанием снова окажется в руках этеристов. Это не на шутку встревожило кодзабасов. Под угрозой оказались их привилегии и преимущества. Земельные магнаты Пелопоннеса поспешили заключить союз с крупными судовладельцами Эгейских островов, направленный против этеристов. Для борьбы против Дмитрия Ипсиланти и его приверженцев эти группы использовали прибывшего в Грецию весьма ловкого политика — фанариота Александра Маврокордато. В ходе этой борьбы этеристы к концу 1821 г. потерпели поражение и окончательно должны были отойти от политического руководства восстанием.

На протяжении всего 1821 г. важный центр этеристского движения продолжал действовать там, где он возник, — в Одессе. Одесская эфория «Филики Этерии» не только существовала и беспрепятственно действовала в первой половине 1821 г., но и руководила деятельностью других эфорий по организации посылки снаряжения и подкреплений для армии Ипсиланти и в саму Грецию. После поражения А. Ипсиланти Одесскую эфорию «Филики Этерии» на собрании одесских греков (13 августа 1821 г.) переименовали в «Одесское греческое благотворительное общество». Были избраны новые эфоры. В их числе оказался богатый одесский купец, активный этерист Григориос Мараслис. В его доме, который и поныне стоит в одном из одесских переулков, часто проходили заседания руководящего комитета «Греческого благотворительного общества»³.

³ Сейчас на этом доме (Красный переулок, д. 18) установлена мемориальная доска.

Несмотря на свою филантропическую вывеску, это общество являлось политической организацией, продолжавшей патриотическую деятельность «Филики Этерии». После того, как общество было создано, оно обратилось с посланиями к греческим общинам Измаила, Евпатории, Севастополя, Балаклавы, Дубоссар, Москвы, Петербурга, Брод, Варшавы, Пизы, Ливорно, Триеста, Амстердама, в которых призывало собирать деньги для греческих беженцев из Турции, для спасшихся повстанцев из армии Ипсиланти, оказавшихся в Одессе и Кишиневе (их в то время было более пяти тысяч человек) и для закупки военного снаряжения повстанцам в Греции. В результате удалось собрать миллионы рублей. Много денег внесли этеристы самой Одессы. В письме одесских эфоров (от 31 октября 1821 г.) их собрату из Кишинева Марину Страти говорилось, что Одесская эфория «имела столь огромные расходы, какие может выдержать только государственная казна».

Многие заграничные греческие общины признали Одесскую эфорию в качестве руководящего органа. В октябре 1821 г. ее руководители решили послать представительную делегацию, в которую входили влиятельные греки заграничных колоний, в европейские столицы. При этом они преследовали цель привлечь внимание европейского общественного мнения к положению греков и объединить усилия заграничных греков и филэллинов. Следует отметить, что Одесская эфория «Филики Этерии» продолжала действовать на глазах у местных властей, несмотря на то, что царь Александр I осудил движение А. Ипсиланти.

Восстание греков привело в бешенство европейскую реакцию. Меттерних иначе не называл греческих повстанцев, как «разбойниками» и «флибустьерами». На конгрессе Священного союза в Лайбахе этот лидер европейской реакции предложил державам открыто вмешаться в греческие дела в пользу султана. Враждебно отнесся к греческому восстанию и Александр I. Он подписал в Лайбахе указ об увольнении Александра Ипсиланти из рядов русской армии и отклонил его просьбу о помощи и покровительстве.

Свою враждебную линию в отношении греческого народа по-прежнему вело английское правительство. Английский консул в Патрах Филипп Грин передавал турецким властям сведения о передвижениях повстанцев. Его на-

Дом в Одессе, где собирались руководители местных атеристов

чальник — английский посол в Константинополе Стрэнгфорд открыто заявил о готовности Англии помочь турецкому флоту в действиях против «греческих пиратов Архипелага».

В то же время широкая европейская общественность встретила восстание греков с энтузиазмом и восхищением. Во многих странах возникли филэллинские комитеты, на помощь грекам прибывали добровольцы. В Западной Европе в числе защитников дела греческой свободы были прославленные поэты Беранже, Байрон, Шелли и др. Великий английский поэт Байрон отправился в Грецию. Приветствуя греческое восстание, передовые умы Европы не только отдавали дань уважения родине Аристотеля и Праксителя, но и видели в нем воодушевляющий пример борьбы против европейской реакции.

Особенно большое впечатление произвело восстание греков в России. Оно всколыхнуло все слои русского общества. Героическую борьбу греков горячо приветствовал великий русский поэт А. С. Пушкин. В Москве даже распространились слухи, что поэт отправился волонтером

в войска Ипсиланти. Опальному поэту, автору свободолюбивых стихов, были понятны и близки стремления и помыслы греческих борцов против султанского деспотизма. В кишиневском дневнике Пушкина от 2 апреля 1821 г. имеется такая запись: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 25.000.000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла»⁴.

Между Пушкиным и греческими революционерами было не только идейное родство. Находясь с осени 1820 г. в ссылке в Кишиневе, поэт познакомился со многими греческими революционерами. В доме М. Ф. Орлова он нередко встречался с Александром Ипсиланти. Это было время, когда революционные волнения охватили уже ряд стран южной Европы, когда столица Бессарабии стала центром подготовки восстания в Греции. Позднее А. С. Пушкин вспоминал осень 1820 г.:

Тряслися грозно Пиринеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал⁵.

Записи в дневнике Пушкина свидетельствуют о его личном знакомстве и с Дмитрием Ипсиланти. Все это придавало особую теплоту и проникновенность стихотворениям, в которых поэт воспевал греческих борцов за свободу. Стихотворение: «Гречанка верная, не плачь, — он пал героем» поэт посвятил греческому патриоту, отдавшему жизнь за свободу своей отчизны. И после поражения Ипсиланти мысли Пушкина снова и снова возвращались к этеристскому восстанию в Дунайских княжествах.

В стихотворении «К Овидию» (1821 г.) поэт вспоминает «те дни, как на брега Дуная великодушный грек свободу вызывал». Об этом свидетельствуют и черновые бумаги Пушкина. На одном листе изображены фигуры этеристов, на другом — сквозь строки с замыслом «Братьев-разбойников» неожиданно возникают характерные черты Александра Ипсиланти.

Об этеристском движении в Дунайских княжествах поэт собирался написать поэму. Ее героем должен был

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 302.

⁵ Там же, т. 6, стр. 523.

Фигуры этеристов (солдат армии А. Ипсиланти)
(Гисупок Пушкина. 1821)

стать Георгакис Олимпос, до конца державший знамя борьбы. Сохранился набросок начала поэмы:

Поля и горы ночь объемлет,
В лесу, в толпе своих...
Под темной сению небес
Ипсиланти дремлет⁶.

Для своей поэмы поэт усердно собирал исторический материал. В бумагах Пушкина сохранились две исторические заметки, одна из которых посвящена восстанию Ипсиланти, а другая одному из видных «апостолов» «Филики Этерии» — К. Пендедеке. Хотя не все изложенные в них факты исторически достоверны, заметки эти весьма

⁶ Там же, т. 5, стр. 153.

ценны. Они показывают, с каким вниманием и сочувствием великий поэт относился к борьбе греческого народа за свободу.

Такие настроения не покидали поэта и в последующие годы. Так, в 1824 г., находясь уже в Михайловском, Пушкин принимал горячее участие в судьбе 8-летней Родоса Сафианос, отец которой геройски пал, сражаясь под знаменами Ипсиланти. В письме к своему влиятельному другу В. А. Жуковскому поэт побуждает его хлопотать за маленькую гречанку: «Дочь героя, Жуковский! Они родня поэтам по поэзии!»⁷.

В числе самых горячих приверженцев дела греческой свободы были, конечно, декабристы. М. Ф. Орлов в письме к своей невесте Е. Н. Раевской от 2 апреля 1821 г. писал о своем друге Александре Ипсиланти: «Тот, кто кладет голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем он не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам»⁸. П. И. Пестель же, который по заданию командования 2-й армии изучал на месте движение этеристов, 15 марта 1821 г. в официальном донесении начальнику штаба 2-й армии генералу П. Д. Киселеву подчеркивал, что «мотивы, определяющие поведение Ипсиланти, заслуживают самого высокого уважения»⁹.

Пестель мог безбоязненно высказывать такие мысли в донесениях Киселеву, поскольку последний, как и некоторые другие представители высших военно-бюрократических кругов России, также сочувствовал борьбе греков. Многие русские сановники считали, что Александр I в угоду Меттерниху принес в жертву государственные интересы России и отказался от «екатерининских» традиций русской политики.

Представители официальных властей не только на словах сочувствовали греческому восстанию. «Несколько дней назад,— сообщал, например, из Одессы в середине марта 1821 г. австрийский согладатай,— около 1500 греков отправились отсюда в Яссы. Каждому, кто желает туда

⁷ А. С. Пушкин. Полн. соб. соч., т. 13, стр. 124.

⁸ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 132.

⁹ А. В. Фадеев. Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX века.— «Новая и новейшая история», 1964, № 3, стр. 49.

отправиться для того, чтобы сражаться за освобождение греков, власти беспрепятственно выдают паспорта. Офицеры и рядовые солдаты греческого происхождения, служащие в русской армии, временно увольняются со службы, когда они высказывают желание отправиться в Яссы. Общество, которое создано в Одессе¹⁰, снабжает отбывающих деньгами, ружьями и другим оружием, которое оно закупает, по-видимому, при содействии русских властей»¹¹.

«Русскими властями» в Одессе, как известно, был новороссийский генерал-губернатор граф А. Ф. Ланжерон. Важные услуги оказал этеристам и наместник Бессарабии генерал И. Н. Инзов. Вероятно, не без его ведома для войск Александра Ипсиланти, сражавшихся в Дунайских княжествах, доставлялись с русской территории через Прут оружие, боеприпасы и даже пушки. Именно Инзов выписал заграничный паспорт для П. Анагностопулоса, с помощью которого в Грецию смог пробраться Дмитрий Ипсиланти. Этот поступок был весьма смелым. Наместник Бессарабии, по всей вероятности, знал, кто скрывается под именем «слуги» А. Стостопулоса (И. Н. Инзов был в близких отношениях со всеми братьями Ипсиланти через кишиневского губернатора К. А. Катакази, зятя Ипсиланти). Если бы ехавшего под чужим именем по русскому паспорту Дмитрия Ипсиланти задержала австрийская полиция, то служебная карьера Инзова была бы, конечно, навсегда испорчена.

Показателем огромного сочувствия в России к восставшим грекам являлось и то редкое единодушие, с которым различные общественные круги выступали за скорейшее вооруженное выступление против Османской империи. Сам Александр I признавал, что из всех русских он один противился войне с турками. Многие русские офицеры с нетерпением ждали приказа о выступлении в поход на Балканы.

Решительными сторонниками войны против Османской империи и оказания тем самым действенной помощи грекам были декабристы. Они надеялись, что военная победа

¹⁰ Здесь, по-видимому, имеется в виду Одесская эфория «Филики Этерии».

¹¹ Γ. Λαΐος. Ἀνέκδοτα ἐπιστολὲς καὶ ἐγγράφα τοῦ 1821. Ἀθήνα, 1958, σ. 44—45.

над султанским деспотизмом приблизит час крушения самодержавия и в России. Готовились отправиться добровольцами в Грецию декабристы И. Д. Якушкин, П. Г. Каховский и др. Декабрист И. Завалишин, надеясь, что русская армия скоро двинется на помощь грекам, начал заниматься греческим языком. Горячее желание помочь греческому народу звучало и в стихах поэта-декабриста В. К. Кюхельбекера:

Друзья! Нас ждут сыны Эллады!
Кто даст нам крылья? Полетим!
Сокройтесь горы, реки, грады —
Они нас ждут — скорее к ним!¹²

Пока, одни со злобой и страхом, другие — с радостью и надеждой, ловили вести из Греции, подходил к концу 1821 г. — первый год греческого восстания. Военное счастье, по-прежнему, улыбалось грекам. В августе 1821 г. капитулировали турецкие гарнизоны Монемвасии и Наварина. 5 октября войска Теодороса Колокотрониса овладели Триполисом, резиденцией турецкого губернатора Пелопоннеса.

Это была большая победа греческого оружия. Разгромив основные силы турецкой армии в Пелопоннесе, греки захватили богатые трофеи, позволившие вооружить новые легионы борцов.

К концу 1821 г. в Пелопоннесе турки держались только в двух крепостях: Патрах и Навплионе. От них уже была очищена значительная часть Центральной Греции. Знамя восстания поднимали все новые и новые острова. Крупные турецкие силы, по-прежнему, удерживались под стенами Янины, энергичным и упорным сопротивлением Али-паши. Полное торжество греческого восстания казалось совсем близким. Но только через 8 лет окончательно пришла к грекам победа. И о каждом из этих драматических годов можно написать целые тома. Мы в состоянии дать здесь только краткую хронику.

Год 1822. 13 января представители всех областей Греции, собравшись на Национальное собрание в Эпидавре, приняли торжественную декларацию независимости:

¹² В К ю х е л ь б е к е р. Стихотворения. М., 1939, стр. 73.

«Греческая нация, находившаяся под ужасным османским господством, не в состоянии вынести беспримерное и тяжелейшее иго тирании и сбросив его ценой великих жертв, провозглашает сегодня, в лице своих законных представителей, конституировавшихся в Национальное собрание, свое политическое существование и независимость»¹³. Вскоре было создано правительство независимой Греции.

Но султан и его министры продолжали смотреть на свободный греческий народ, как на взбунтовавшуюся райю, с которой можно разговаривать только языком пуль и виселиц. В апреле войска султана учинили страшную расправу над населением восставшего острова Хиос. Солдаты со звериной жестокостью убивали больных в больницах, грудных младенцев в люльках, поджигали монастыри, в которых укрылись беззащитные люди. Цветущий остров оказался превращенным в пустыню. Из 100 тысяч его жителей 23 тысячи были убиты и 47 тысяч превращены в рабов и распроданы на невольничьих базарах Анатолии и Северной Африки.

В феврале 1822 г. после 17-месячной осады туркам, наконец, удалось овладеть Яниной. Али-паша, несмотря на обещанное ему султанское помилование, был убит. Осаждавшие Янину большие сухопутные силы Порты решила двинуть против освобожденных районов Греции. К ее берегам направился и турецкий флот. В июле отборная турецкая армия Махмуда-паши Драмали вторглась в Пелопоннес.

Но турецкое нашествие встретило всенародный отпор. Из каждого дома, разрушенной стены, с горного перевала — отовсюду на турецких солдат мог обрушиться град пуль. Летучие партизанские отряды днем и ночью, на походе и на привале нападали на вражеские отряды и обозы. Турецкая армия таяла очень быстро. Из 30 тысяч турецких солдат, вторгшихся в Морею, спастись удалось лишь немногим. Организаторами и героями этой блестящей победы явились Теодорос Колокотронис, Дмитриос Ипсиланти, Никитарас (Никитас Стамателопулос), Одиссеас Андруцос.

Неудачу потерпел и турецкий флот. Маленькие, но быстрые и увертливые греческие суденышки преградили путь

¹³ Δ. Κοκκινός. 'Η 'Ελληνική 'Επαγώνισις. 'Αθήναι, 1957, т. 4, с. 68.

многопушечным турецким кораблям. Отважный моряк Константинос Канарис в безлунную июньскую ночь 1822 г. пробрался со своим брандером¹⁴ на стоянку турецкого флота и поджег флагманский корабль, в то время, когда на нем шел пир по случаю мусульманского праздника. Погибло около 2 тыс. турок во главе с их адмиралом Кара-Али. Охваченные паникой, другие турецкие корабли поспешили укрыться в Дарданеллах.

Этот год принес и другие победы греческому оружию. 22 июня над афинским Акрополем, 366 лет находившимся в руках Турции, взвился голубой с белыми полосками греческий флаг. В декабре сдал Теодоросу Колокотронису ключи от Навплиона, сильнейшей крепости Пелопоннеса, ее комендант Али-паша.

Год 1823. Масштабы военных операций в этом году значительно уменьшились по сравнению с предыдущим. Султану Махмуду II требовалось время, чтобы привести в порядок свои войска. Кроме того, его сильно связывали бунтовавшие в Стамбуле янычары. Наиболее значительным эпизодом кампании этого года явились действия Мустафы-паши, правителя Северной Албании, против Миссолонги (Месолонгиона) — важнейшей крепости и порта Западной Греции. Армия Мустафы-паши, двинувшаяся летом на Миссолонги, насчитывала 13 тысяч человек. Численность греческих войск, защищавших подступы к городу, была в 10 раз меньшей. Но командовал ими отважный и смелый воин — Маркос Боцарис.

Чтобы вызвать замешательство в стане врага и остановить его, Маркос Боцарис решил убить Мустафу-пашу. В ночь на 21 августа Боцарис с отрядом горцев-сулиотов в 450 человек напал близ деревни Карпениси на 4-тысячный авангард турецкой армии, с которым находился и турецкий главнокомандующий. Вызвав панику, воины Боцариса устремились к палатке паши. Но вражеская пуля, настигшая Маркоса Боцариса остановила их. Сулиоты покинули поле боя, унося с собой тело своего командира. Их потери составили 60 человек убитыми, турки же потеряли 1500 человек. Мустафа-паша подошел к Миссолонги, но, встретив решительный отпор, был вынужден отступить.

¹⁴ Брандер — легкое судно с корпусом, наполненным горючими веществами. Использовалось для поджога неприятельских кораблей.

Смерть Маркоса Воцариса

Год 1824. В лагере повстанцев начались кровавые междоусобицы, ослабившие боевую силу революционных армий. Было дезорганизовано и их командование. Популярнейший полководец Теодорос Колокотронис оказался в тюрьме.

Между тем враг не дремал. На Грецию надвигалась новая грозная опасность. Султан Махмуд II сумел втянуть в греческую войну своего могущественного вассала Мехмеда-Али-пашу, правителя Египта, пообещав ему Сирию и Крит. На подавление греческого восстания двинулись египетские флот и войска, хорошо вооруженные и обученные по европейскому образцу французскими ин-

структорами. Командовал ими жестокий, но энергичный и способный полководец Ибрагим-паша, приемный сын Мехмеда-Али-паши. В марте египетские войска полностью подчинили Крит. В июне пал остров Касос. Одновременно турецкая эскадра Хозрева-паши из 140 кораблей блокировала остров Псарру, один из центров греческого судоходства. Псарриоты, в знак решимости бороться до конца за свой остров, сняли рули со своих кораблей. Но силы были слишком неравными: 14-тысячной турецкой армии противостояли три тысячи защитников острова. Их последним оплотом стал Пальокастро. 4 июля его защитники во главе с Андонисом Врацаносом подожгли пороховой погреб и взлетели на воздух вместе с двумя тысячами турок.

Год 1825. 24 февраля войска Ибрагима-паши численностью в 14 тыс. человек начали высадку в Метони (Южный Пелопоннес). Блокированная египетской армией и флотом пала крепость Наварин. Плохо организованные малочисленные отряды греков безуспешно пытались остановить регулярные войска Ибрагима-паши. Во время одной из таких попыток героической смертью пал Папафлессас, участвовавший во многих битвах войны за независимость. 2 июня он с отрядом в 300 смельчаков, подобно царю спартанцев Леониду¹⁵, герою Фермопил, преградил путь у деревни Маньяки 6-тысячному корпусу Ибрагима-паши. Почти все греческие храбрецы во главе с Папафлессасом пали в бою. Подвиг этот не мог оставить равнодушным даже турецкого главнокомандующего. Он приказал разыскать тело Папафлессаса, подошел к нему, поцеловал мертвого и сказал: «Человек этот был действительно храбр. Если у Греции есть и другие такие, то ее трудно будет покорить». В июне Ибрагим-паша вступил в столицу Пелопоннеса — Триполис.

Тем временем под давлением общественного мнения из тюрьмы был выпущен Теодорос Колокотронис. Его назначили главнокомандующим греческими силами Пелопоннеса. После нескольких неудачных сражений с Ибрагимом-пашой он стал с успехом применять против него тактику партизанской войны.

¹⁵ В 480 г. до н. э. во время греко-персидской войны царь спартанцев Леонид и 300 его воинов пали геройской смертью, сражаясь в Фермопильском проходе против огромной армии персидского царя Ксеркса.

Теодорос Колокотронис

Жестокие бои шли в это время и в Западной Греции. В мае 35-тысячная турецкая армия снова осадила Миссолонги. Командовал ею один из самых энергичных и способных турецких генералов — Решид-паша Кютахья. Султан предупредил его, что если не падет Миссолонги, то падет голова Решид-паши Кютахьи. Поэтому турецкий генерал решил действовать осторожно, испробовав все способы. Сначала он предложил жителям города выслать к нему парламентаров, знающих языки, чтобы обсудить условия почетной сдачи Миссолонги. Но осажденные от-

ветили: «Мы люди невежественные, языков иностранных не знаем и умеем только сражаться»¹⁶.

Несмотря на неоднократные яростные атаки, турецким войскам не удавалось ворваться в город. Большие потери и неудачи вызвали деморализацию в армии Решида-паши Кютахья. Турецкий главнокомандующий решил призвать на помощь своего соперника Ибрагима-пашу. 22 декабря Ибрагим-паша подошел к крепости с тремя эскадрами: турецкой, египетской и алжирской, и высадил 17-тысячную армию.

Год 1826. Под стенами героической крепости Миссолонги собрались почти все турецкие войска, находившиеся в Греции. Железное кольцо осады отрезало город от внешнего мира. Непрерывно гремела канонада. В отдельные дни на город падало более 2 тысяч вражеских бомб, ядер и гранат. Турки яростно штурмовали бастионы крепости и с огромными потерями откатывались назад. На защиту города встало все население. Все, кто мог держать оружие, уходили на стены. Когда подошли к концу пули, женщины, дети, старики стали отливать их из осколков вражеских снарядов.

На долю жителей осажденного города выпали неимоверные лишения. Холодной зимой они мерзли в домах без крыш, сорванных бомбами и снарядами. Их терзал страшный голод. Были съедены даже все мыши и крысы. Ослабевшие руки воинов с трудом держали оружие. Но никто не заговаривал о сдаче.

Когда уже не стало больше сил держать город, оставшиеся в живых, в том числе женщины и дети, в ночь на 22 апреля двинулись к турецким траншеям. Они хотели прорваться в горы. В двигавшихся колоннах не было слышно ни единого звука; маленьким детям, которых несли на руках матери, дали опиум, чтобы они не плакали.

Но турки, предупрежденные предателями, были наготове. Последовала жестокая сеча. Из 16 тысяч человек удалось прорваться через турецкие линии немногим более тысячи. Тех, кто не пал в боях, зверски умертвили ворвавшиеся в город солдаты. Ибрагим-паша и Решид-паша Кютахья послали в подарок султану 3 тыс. отрезанных ушей.

¹⁶ E. Driault et M. Lheritier. Histoire diplomatique de la Grèce, t. 1. P., 1925, p. 322.

После взятия Миссолонги Решид-паша Кютахья снова подчинил власти султана всю Западную и Центральную Грецию. В июле к северу от Коринфского перешейка греческий флаг реял только над Афинским Акрополем, осажденным войсками того же Решид-паши Кютахьи. Ибрагим-паша вернулся в Пелопоннес, оставив на своем пути развалины и пожарища.

Положение восставших было тяжелым. Но Греция продолжала бороться. И секрет этого неослабевающего сопротивления состоял в том, что войну с турецкими завоевателями всеми доступными им способами и мерами вели непосредственно народные массы. «Потребовались бы роскошные краски Шекспира,— писал позднее один из участников и историков греческой национально-освободительной войны,— для достойного изображения героизма, настойчивости и ненависти, обнаруженной в революции греческой нацией, преимущественно ее низшими классами»¹⁷. Именно из народной гущи вышли талантливые греческие полководцы, которые не раз били турецких генералов.

В тяжелый для греческого восстания 1826 г. ярко заблистала полководческая звезда выходца из народных низов — Георгиоса Караискакиса. Это был человек необычайной и трудной судьбы. Сын монахини, он появился на свет в пещере, недалеко от деревни Маврумат (Эпир). Детство мальчика прошло в тяжелой нужде и скитаниях. В восемь лет он лишился матери. В 15, а по другим сведениям даже в 10 лет, стал клефтом. С тех пор Караискакис до конца своей жизни не расставался с оружием. Ему довелось служить в войсках Али-паши Янинского и в сформированных англичанами на Ионических островах греческих подразделениях. В начале освободительного восстания Караискакис с небольшим отрядом успешно сражался против турецких войск в Западной Греции. В 1825—1826 гг., командуя греческими силами, действовавшими в тылу турецкой армии, осаждавшей Миссолонги, он оказал существенную помощь осажденным.

Тогдашние правители Греции мало доверяли Караискакису, как, впрочем, и другим военным руководителям, вышедшим из народа. Однако после падения Миссолонги

¹⁷ Е. Феоктистов. Борьба Греции за независимость СПб., 1863, стр. 45.

Георгиос Карайскакис

создалось очень тяжелое положение, и правительство было вынуждено назначить Карайскакиса главнокомандующим войсками континентальной Греции. В ноябре, в зимнюю пору, Карайскакис начал свой поход по горам Румелии (Центральная Греция). 2500 голодных и разутых бойцов несли своего тяжело больного командира. Но этот физически немощный человек проявил огромную силу духа, железную энергию и недюжинный полководческий талант. В сражении при Арахове (1—6 декабря) и других битвах Карайскакис нанес тяжелые поражения отборным турецким войскам. По всей Румелии снова запылал потухший был огонь восстания.

Год 1827. С июля 1826 г. по Акрополю непрерывно стреляли турецкие пушки, причиняя вред не только защитникам крепости, но и бессмертным творениям древне-

греческой архитектуры¹⁸. Акрополь не сдавался. Тогда Решид-паша Кютахья, имевший в своем распоряжении лучших турецких подрывников, решил взорвать его. Неизвестно, какова бы была судьба древней афинской крепости с ее ценнейшими памятниками мировой культуры, если бы сюда не прибыл замечательный греческий подрывник, герой Миссолонги Костас Хормовитис. Непрерывно ведя контрподкопы, он не дал подрывникам пашы заложить мины под крепость. Решид-паша Кютахья говорил о Хормовитисе: «Если бы он был моим, то я дал бы ему столько золота, сколько он весит»¹⁹.

7 марта Караискакис, изгнав турецкие войска почти из всей Румелии, прибыл в Аттику и укрепился в Элевсине. Силы его возросли до 6 тыс. человек. Греческий полководец задумал превратить армию Решид-пашы Кютахья из осаждающей в осажденную, отрезать ее от всех источников снабжения, зажать в тиски и разгромить. К горам Аттики, где развивалась решающая борьба между греческим и турецким полководцами, было приковано внимание всей Греции и Европы.

Но Караискакису не удалось осуществить свой блестящий план. По настоянию английских офицеров Черча и Кохрена, назначенных Национальным собранием в Тризине главнокомандующими греческими силами на суше и на море, на 4 мая был назначен штурм турецкого лагеря под Афинами. Новые военачальники жаждали быстрой и эффектной победы. В этот день, до начала штурма, в мелкой стычке был смертельно ранен Караискакис. Штурм состоялся 6 мая. Им никто не руководил, поскольку английские офицеры предпочли не сходить с кораблей. Греки потерпели полное поражение, потеряв весь цвет своей армии. Через месяц Акрополь вынужден был капитулировать. Вся Румелия снова оказалась в руках турок. Вновь для греков катастрофически ухудшилось общее военное положение. Только Колокотронис продолжал держаться в Морее.

Чтобы задушить последний очаг сопротивления, Ибрагим-паша перешел к методическому опустошению полуос-

¹⁸ Многие рубцы на колоннах Парфенона и других памятниках Акрополя, которые и сейчас обращают на себя внимание туристов, относятся ко времени этой памятной осады.

¹⁹ Δ. Φωτιάδης. *Καραϊσκάκης*, Ἀθήνα, 1962, σ. 287.

трома. Его солдаты вытаптывали посевы, сжигали целиком деревни, вырубали и выкорчевывали деревья. Греческих крестьян насильно вывозили в Египет. Некоторые кодзабасы и капитаны Мореи вступили в переговоры с Ибрагимом-пашой и покорились ему.

В эти критические для Греции дни и месяцы Теодорос Колокотронис был душой и символом национального сопротивления. В письме к Ибрагиму-паше он дал достойный ответ на предложение сдаться: «Если даже ты срубишь все ветки наших деревьев, если даже ты сожжешь все наши дома и деревья, если останутся только груды камней, мы все равно не склоним перед тобой колени. Сколько бы деревьев ты ни срубил и ни сжег, ты не унесешь с собой землю. И та земля, которая их взрастила, останется нашей, и на ней снова вырастут деревья. И если останется только один грек, мы все равно будем сражаться и не надеясь сделать нашу землю твоей землей, выбрось это из головы!»²⁰

Немолодой уже полководец (ему в это время было 57 лет) был энергичен и неутомим, как юноша. В течение шести месяцев, почти не слезая с коня и нигде не останавливаясь, в сопровождении 200 верных телохранителей, Колокотронис переезжал с места на место, ободряя народ, нанося удары по врагам, ведя беспощадную борьбу с предателями. Повсюду звучал его клич: «Топор и огонь для покорившихся. Готовьте виселицы и колья...». Благодаря энергии, решимости и непреклонности этого популярнейшего полководца борьба против турецких войск в горах Мореи не прекращалась.

В конце августа в Морею из Египта прибыла эскадра Мехмеда-Али-паши, состоявшая из 92 кораблей, на которой находился 4-тысячный десантный корпус. Новый план султана состоял в том, чтобы объединенными турецко-египетскими силами овладеть Идрой, а затем завершить покорение Мореи. Султан приказал Решиду-паше Кютахье двигаться со всеми своими силами в Морею на помощь к Ибрагиму-паше. Неизвестно, выдержала ли истекающая кровью Греция этот новый удар. В это время в международной обстановке наступил для греков благоприятный момент.

²⁰ Α. Στρίγκος. 'Η Ἐπανάστασις τοῦ Εἰκοσίου. Πολιτικές καὶ λογοτεχνικές ἐκδόσεις. 1958. σ. 205.

Колокотронис в кругу своих солдат

После 1821 г. Александр I по-прежнему в значительной мере подчинял политику России в восточном вопросе интересам «Священного союза». В августе 1822 г. он уволил в «бессрочный отпуск» И. Каподистрию, выступавшего за решительное вмешательство России в пользу греков. Политика Александра I в греческом вопросе сильно подрывала престиж России на Балканах. Кроме того, от действий турецких властей, направленных против русского судоходства, страдали и интересы русских помещиков.

Николай I, вступивший на престол в 1825 г., после жестокого подавления восстания декабристов, проводил такую же реакционную политику, как и его брат. Однако он последовательнее защищал интересы правящего класса

России. 16 апреля 1826 г. между Россией и Англией был подписан петербургский протокол об «умиротворении Греции» на основе предоставления ей автономии. Одно событие, происшедшее вслед за тем в Греции, ускорило превращение этого протокола в формальный договор.

Узнав об отставке И. Каподистрии, Меттерних не смог скрыть своего ликования. Он со злорадством заявил, что «граф Каподистрия похоронен до конца своей жизни»²¹. Однако он просчитался. Каподистрия пользовался огромной популярностью в Греции. 15 апреля 1827 г. по инициативе Т. Колокотрониса Национальное собрание в Тризине избрало бывшего русского министра иностранных дел правителем Греции на семь лет. Избрание Каподистрии было расценено в Лондоне и Париже как свидетельство роста русского влияния в Греции. Чтобы помешать России единолично решать дела Греции, Англия и Франция поспешили заключить с ней 6 июля договор.

Лондонский договор трех держав предусматривал прекращение войны в Греции при условии предоставления ей автономии. В договоре имелась секретная статья о принятии принудительных мер против султана, если он откажется прекратить войну против греков.

У берегов Греции появились эскадры России, Англии и Франции. Однако войска Ибрагима-паши продолжали опустошать Морею. Тогда 20 октября соединенная англо-русско-французская эскадра атаковала в Наваринской бухте турецко-египетский флот. Моряки соединенной эскадры сражались с большим героизмом. После короткого боя около 100 турецко-египетских кораблей было уничтожено. Узнав о Наваринской битве, Греция вздохнула с облегчением.

Год 1828. Но и после того, как флот султана был уничтожен, султан отказывался прекратить военные действия в Греции. Тогда Россия, единственная из держав — участниц Лондонского договора, 26 апреля объявила Турции войну. Русско-турецкая война, сковав главные силы турецкой армии, коренным образом изменила в Греции военную обстановку. Началось освобождение захваченных врагом районов. В октябре войска Ибрагима-паши были вынуждены уйти из Мореи. Воспользовавшись ослаблением военного давления со стороны Турции, прибывший в

²¹ «Записка графа Иоанна Каподистриа...», т. 3, стр. 289.

Грецию И. Каподистрия смог принять неотложные меры по установлению порядка в стране, созданию регулярной армии, налаживанию централизованного управления.

Жарким летом 1829 г. русские пехотинцы, карабкаясь по крутым горным тропам, перешли через цепь балканских гор. Вскоре русская армия раскинула свои палатки около Адрианополя, всего в 200 км от турецкой столицы. Султан поспешил прислать в русский лагерь своих уполномоченных с просьбой о мире.

Восстань, о Греция, восстань
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд, и Фермопилы.
.....
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги,—

²² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. III, 1948, стр. 169.

Заключение

Символом и эмблемой «Филики Этерии», начертанной на ее знамени, была птица Феникс. Подобно этой легендарной птице, воскресающей из пламени, из пепла и руин войны возродилась Эллада. Для участников и современников этого великого события героические сцены войны за независимость отодвинули на задний план все предшествовавшие события. Один день эпической осады Миссолонги казался более значительным, чем годы протекавшей в тени деятельности «Филики Этерии». Но эта будничная, незаметная и опасная работа подготовила восстание 1821 г. Именно в результате смелых революционных действий этеристов пришел в движение весь порабощенный греческий народ, раскрыв в освободительной войне все свои физические и духовные силы.

Конечно, если говорить образно, «Филики Этерия» не была матерью восстания 1821 г., а только его «повивальной бабкой». Освобождение Греции от турецкого рабства было неизбежным. Оно диктовалось всем ходом экономического и политического развития страны. Но нужно было, чтобы кто-то занялся идейной и организационной подготовкой восстания, чтобы нашлись люди, которые, невзирая на все трудности и подводные камни, довели это дело до конца. Такими людьми и явились основатели «Филики Этерии» и все те, кто пошел за ними. Без их энергии, патриотизма, революционной смелости греческий народ мог бы еще долгие годы терпеть беспросветное, унижительное рабство.

Этеристы не только подготовили восстание. Они принимали в нем деятельное участие, находясь там, где шли самые жестокие битвы за свободу: и в войсках Александ-

ра Ипсиланти, и в осажденном Миссолонги, и среди партизан, смело нападавших на полчища турок. Многие из этеристов героически пали на поле брани.

Не дожид до освобождения своей родины и Александр Ипсиланти, семь лет томившийся в австрийских тюрьмах. Из оставшихся в живых активных этеристов мало кому достались награды и почести. Эти революционеры не были в чести у баварских правителей, навязанных освободившейся Греции великими державами. Личная судьба многих этеристов была тяжела, но их патриотический подвиг обеспечил им навеки любовь и уважение греческого народа.

Минуло 150 лет с тех пор, как в русском городе Одесса была основана греческая революционная организация «Филики Этерия». Этеристы жили и действовали на территории России. На русской земле их повсюду окружали друзья. На стороне их правого дела стояли лучшие люди России того времени: декабристы и А. С. Пушкин. История «Филики Этерии» — не только важный этап долгой и упорной борьбы греческого народа за свободу и лучшее будущее, но и одна из самых ярких страниц дружественных русско-греческих связей.

Литература

- Арш Г. Л. К вопросу об идейном воздействии Великой Французской революции на балканские народы. (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса). «Французский ежегодник», 1963. М., 1964.
- Арш Г. Л. Историография «Филики Этерии». — «Новая и новейшая история», 1964, № 3. М., 1964.
- Βακαλόπουλος Α. Συμβολή στὴν ἱστορίαν καὶ ὀργάνωσιν τῆς Φιλικῆς Ἑταιρείας. — «Ἑλληνικά», 1952, Τ. 12, τευχ. 1. (Βακαλόπουλος Α. К истории деятельности и организации «Филики Этерии». — «Эллиника», 1952, т. 12, вып. 1.)
- Botzaris N. Visions balkaniques dans la préparation de la révolution grecque (1789—1821). Genève — Paris, 1962.
- Βουρνάς Τ. Φιλική Ἑταιρεία. Ἀθήνα, 1959. (Βуρνас Т. «Филики Этерия». Афины, 1959).
- Βуρνас Т. «Филики Этерия». — «Новая и новейшая история», 1964, № 3.
- Camariano N. Despre organizarea și activitatea Eteriei în Rusia înainte de răscoala din 1821. — «Studii și materiale de istorie modernă», 1960, v. II.
- Crawley C. W. John Capodistrias and Greeks before 1821. — «Cambridge historical journal», 1957, v. XIII, № 2.
- Dascalakis A. Rhigas Velestinlis. La Révolution Française et les préludes de l'indépendance hellénique. Paris, 1937.
- Дружинина Е. И. Северное Причерноморье 1775—1800 гг. М., 1959.
- Записка графа Иоанна Каподистриа о его служебной деятельности. — «Сборник русского исторического общества». СПб., 1868, т. 3.
- Золотов В. А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963.
- Иовва И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963.
- Κέκχινος Δ. Ἡ Ἑλληνική Ἐπανάστασις. Ἀθήναι, 1959—1960, Τ. 1—12. (Κοκкинός Д. Греческая революция. Т. 1—12. Афины, 1959—1960).
- Корай А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815.

- Κορδάτος Γ. Ἱστορία τῆς νεώτερης Ἑλλάδας. Ἀθήναι, 1957—1958, Τ. 1—2. (Κορδάτος Я. История новой Греции. Т. 1—2. Афины, 1957—1958).
- Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг.— «Пушкин и его время». Л., 1962, вып. 1.
- Ξάνθος Ε. Ἀπομνημονεύματα περὶ τῆς Φιλικῆς Ἑταιρείας. «Ἀπομνημονεύματα ἀγωνιστῶν τοῦ 21»; Ἀθήνα, 1956, Τ. 9. (Κσανтос Э. Воспоминания о «Филики Этерии». — «Воспоминания борцов 21-го года», т. 9, Афины, 1956).
- Παπαδόπουλος Σ. Ὁ φιλικὸς Δημήτριος Ἱπάτρος. (Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς δράσης τῶν ἀποστόλων τῆς Φιλικῆς Ἑταιρείας) «Ελληνικά». 1958—1959, Τ. 16 (Παπαδόπουλος С. Этерист Димитриос Ипатрос (К истории деятельности апостолов «Филики Этерии»). — «Эллиника», 1958—1959, т. 16).
- Σακελλάριος Σ. Φιλική Ἑταιρεία. Ἐν Ὀδησσῷ, 1909. (Сакеллариос С. «Филики Этерия». Одесса, 1909).
- Станиславская А. М. Греческий вопрос во внешней политике России в начале XIX в. (1798—1807 гг.). — «Исторические записки», 1961, т. 68.
- Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. — «История СССР», 1960, № 1.
- Στρίγγος Λ. Ἡ Ἐπανάσταση τοῦ Εἰκοσιένα. Πολιτικὴς καὶ λογοτεχνικὴς ἐκδόσις. 1959. (Стрингос Л. Революция двадцать первого года. Политическое и литературное изд-во, 1959).
- Фадеев А. В. Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX века. — «Новая и новейшая история», 1964, № 3.
- Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958.
- Φιλιμόνος Ι. Δοκίμιον ἱστορικὸν περὶ τῆς Φιλικῆς Ἑταιρείας. Ἐν Ναυπλίαι, 1834. (Филимонос И. Исторический очерк «Филики Этерии». Навплион, 1834).
- Φιλιμόνος Ι. Δοκίμιον περὶ τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπανάστασεως. Ἐν Ἀθήναις, 1859—1861, Τ. 1—4. (Филимонос И. Очерк греческой революции, т. 1—4, Афины, 1859—1861).
- Φωτιάδης Δ. Καραϊσκάκης. Ἀθήνα, 1962. (Фотиадис Д. Караискакис. Афины, 1962).
- Υρσιαντίν Ν. Mémoires du prince Nicolas Ypsilanti. Athènes, [s. a.]
- Шпаро О. Роль России в борьбе Греции за независимость. — «Вопросы истории», 1949, № 8.

Содержание

<i>От редактора</i>	5
<i>Греция под владычеством османов</i>	7
<i>Ригас Велестинлис сеет бурю</i>	20
<i>Россия и Греция на рубеже XVIII—XIX вв.</i>	35
<i>Основание «Филики Этерии»</i>	48
<i>Невидимки за работой</i>	60
<i>Александр Ипсиланти</i>	75
<i>Подготовка восстания</i>	82
<i>Греция в огне</i>	100
<i>Заключение</i>	124
<i>Литература</i>	126

Григорий Львович Арш

Тайное общество «Филики Этерия»

Из истории борьбы Греции за свержение османского ига

Утверждено к печати Редакцией научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор В. П. Большаков

Технический редактор Т. А. Прусакова Художник Н. Н. Никахристо

БЗ № 71—1964 г. № 6

Сдано в набор 5/X 1964 г. Подписано к печати 29/XII 1964 г. Формат 84×108³/₃₂
Печ. л. 4=6,56, усл. п. л. Уч.-издат. 6,6 Тираж 10.500 экз. Т-17768. Изд. № 5073/64

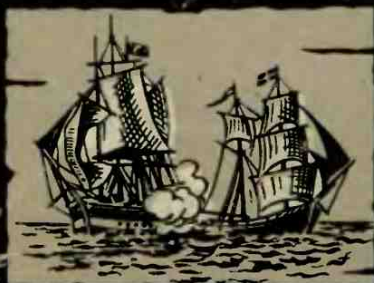
Тип. зак. № 1294

Цена 20 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »